

Рассветбенекне
Уггоса

Рассказы
зарубежных писателей

О. Генри

**Рассказы зарубежных
писателей (сборник)**

«РИПОЛ Классик»

УДК 82(1-87)
ББК 94.3

О. Генри

Рассказы зарубежных писателей (сборник) / О. Генри —
«РИПОЛ Классик»,

ISBN 978-5-386-09630-4

Заразительная атмосфера волшебства, рождественские подарки и традиции – все это нашло отклик у писателей в западной литературе, среди которых: Ги де Мопассан, Артур Конан Дойл, Чарльз Диккенс и др. Эта книга, как рождественские огни, наполнит вас ощущением уюта и чудес.

УДК 82(1-87)
ББК 94.3

ISBN 978-5-386-09630-4

© О. Генри
© РИПОЛ Классик

Содержание

Ги де Мопассан	6
Сельма Лагерлеф	10
Святая ночь	10
Видение императора	13
Колодец Мудрецов	17
Вифлеемский Младенец	22
Бегство в Египет	30
В Назарете	33
В храме	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Рассказы зарубежных писателей

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

Ги де Мопассан

Перевод с французского А. Чеботаревой

Сочельник

Уже не помню точно, в каком это было году. Целый месяц я охотился с увлечением, с дикою радостью, с тем пылом, который вносишь в новые страсти.

Я жил в Нормандии, у одного холостого родственника, Жюля де Банневиль, в его родовом замке, наедине с ним, с его служанкой, лакеем и сторожем. Ветхое, окруженное стонущими елями здание в центре длинных дубовых аллей, по которым носился ветер; замок казался давно покинутым. В коридоре, где ветер гулял, как в аллеях парка, висели портреты всех тех людей, которые некогда церемонно принимали благородных соседей в этих комнатах, ныне запертых и заставленных одною старинной мебелью.

Что касается нас, то мы просто сбежали в кухню, где только и можно было жить, в огромную кухню, темные закоулки которой освещались, лишь когда в огромный камин подбрасывали новую охапку дров. Каждый вечер мы сладко дремали у камина, перед которым дымились наши промокшие сапоги, а свернувшиеся кольцом у наших ног охотничьи собаки лаяли во сне, снова видя охоту; затем мы поднимались вверх в нашу комнату.

То была единственная комната, все стены и потолок которой были из-за мышей тщательно оштукатурены. Но, выбеленная известью, она оставалась голой, и по стенам ее висели лишь ружья, арапники и охотничьи рога; стуча зубами от холода, мы забирались в постели, стоявшие по обе стороны этого сибирского жилища.

На расстоянии одного лье от замка отвесный берег обрывался в море; от мощного дыхания океана днем и ночью стонали высокие согнутые деревья, как бы с плачем скрипели крыши и флюгера и трещало все почтенное здание, наполняясь ветром сквозь поредевшие черепицы, сквозь широкие, как пропасть, камины, сквозь не закрывавшиеся больше окна.

В тот день стоял ужасный мороз. Наступил вечер. Мы собирались усесться за стол перед высоким камином, где на ярком огне жарилась заячья спинка и две куропатки, издававшие вкусный запах.

Мой кузен поднял голову.

– Не жарко будет сегодня спать, – сказал он.

Я равнодушно ответил:

– Да, но зато завтра утром на прудах будут утки.

Служанка, накрывавшая на одном конце стола нам, а на другом – слугам, спросила:

– Знают ли господа, что сегодня сочельник?

Разумеется, мы не знали, потому что почти никогда не заглядывали в календарь. Товарищ мой сказал:

– Значит, сегодня будет ночная месса. Так вот почему весь день звонили!

Служанка отвечала:

– И да, и нет, сударь; звонили также потому, что умер дядя Фурнель.

Дядя Фурнель, старый пастух, был местной знаменитостью. Ему исполнилось девяносто шесть лет от роду, и он никогда не хворал до того самого времени, когда месяц тому назад простудился, свалившись темной ночью в болото. На другой день он слег и с тех пор уже находился при смерти.

Кузен обратился ко мне:

– Если хочешь, пойдем сейчас навестим этих бедных людей.

Он разумел семью старика – его пятидесятивосьмилетнего внука и пятидесятилетней жену внука. Промежуточное поколение давно уже умерло. Они ютились в жалкой лачуге, при въезде в деревню, направо.

Не знаю почему, но мысль о Рождестве в этой глуши расположила нас к болтовне. Мы наперебой рассказывали друг другу всякие истории о прежних сочельниках, о наших приключениях в эту безумную ночь, о былых успехах у женщин и о пробуждениях на следующий день – пробуждениях вдвоем, сопровождавшихся удивлением по сему поводу и рискованными неожиданностями.

Таким образом, обед наш затянулся. Покончив с ним, мы выкурили множество трубок и, охваченные веселостью отшельников, веселой общительностью, внезапно возникающей между двумя закадычными друзьями, продолжали без умолку говорить, перебирая в беседе самые душевные воспоминания, которыми делятся в часы такой близости.

Служанка, давно уже оставившая нас, появилась снова:

– Сударь, я ухожу на мессу.

– Уже?

– Четверть двенадцатого.

– Не пойти ли нам в церковь? – спросил Жюль. – Рождественская месса очень любопытна в деревне.

Я согласился, и мы отправились, закутавшись в меховые охотничьи куртки.

Сильный мороз колот лицо, и от него слезились глаза. Воздух был такой студеной, что перехватывало дыхание и пересыхало в горле. Глубокое, ясное и суровое небо было усеяно звездами, они словно побледнели от мороза и мерцали не как огоньки, а словно сверкающие льдинки, словно блестящие хрусталики. Вдали, по звонкой, сухой и гулкой, как медь, земле звенели крестьянские сабо, а кругом повсюду звякали маленькие деревенские колокола, посылая свои жидкие и словно тоже зябкие звуки в стынущий простор ночи.

В деревне не спали. Пели петухи, обманутые всеми этими звуками, а проходя мимо хлебов, можно было слышать, как шевелились животные, разбуженные этим гулом жизни.

Приближаясь к деревне, Жюль вспомнил о Фурнелях.

– Вот их лачуга, – сказал он, – войдем!

Он стучал долго, но напрасно. Наконец нас увидела соседка, вышедшая из дому, чтобы идти в церковь.

– Они пошли к заутрене, господа, помолиться за старика.

– Так мы увидим их при выходе из церкви, – сказал мне Жюль.

Заходящая луна серпом выделялась на краю горизонта среди бесконечной россыпи сверкающих зерен, с маху брошенных в пространство. А по черной равнине двигались дрожащие огоньки, направляясь отовсюду к без умолку звонившей остроконечной колокольне. По фермам, обсаженным деревьями, по темным долинам – всюду мелькали эти огоньки, почти задевая землю. То были фонари из коровьего рога. С ними шли крестьяне впереди своих жен, одетых в белые чепцы и в широкие черные накидки, в сопровождении проснувшихся ребят, которые держали их за руки.

Сквозь открытую дверь церкви виднелся освещенный амвон. Гирлянда дешевых свечей освещала середину церкви, а в левом ее приделе пухлый восковой младенец Иисус, лежа на настоящей соломе, среди еловых ветвей, выставял напоказ свою розовую, жеманную наготу.

Служба началась. Крестьяне, склонив головы, и женщины, стоя на коленях, молились. Эти простые люди, поднявшись в холодную ночь, растроганно глядели на грубо раскрашенное изображение и складывали руки, с наивной робостью взирая на убогую роскошь этого детского представления.

Холодный воздух колебал пламя свечей. Жюль сказал мне:

– Выйдем отсюда! На дворе все-таки лучше.

Направившись домой по пустынной дороге, пока коленопреклоненные крестьяне набожно дрожали в церкви, мы снова предались своим воспоминаниям и говорили так долго, что служба уже окончилась, когда мы пришли обратно в деревню.

Тоненькая полоска света тянулась из-под двери Фурнелей.

– Они бодрствуют над покойником, – сказал мой кузен. – Зайдем же наконец к этим беднягам, это порадует их.

В очаге догорало несколько головешек. Темная комната, засаленные стены которой лоснились, а балки, источенные червями, почернели от времени, была полна удушливого запаха жареной кровяной колбасы. На большом столе, из-под которого, подобно огромному животу, выпячивался хлебный ларь, горела свеча в витом железном подсвечнике; едкий дым от нагоревшего грибом фитиля поднимался к потолку. Фурнели, муж и жена, разговлялись наедине.

Угрюмые, с удрученным видом и отупелыми крестьянскими лицами, они сосредоточенно ели, не произнося ни слова. На единственной тарелке, стоявшей между ними, лежал большой кусок кровяной колбасы, распространяя зловонный пар. Время от времени концом ножа они отрезали от нее кружок, клали его на хлеб и принимались медленно жевать.

Когда стакан мужа пустел, жена брала кувшин и наполняла его сидром.

При нашем появлении они встали, усадили нас, предложили «последовать их примеру», а после нашего отказа снова принялись за еду.

Помолчав несколько минут, мой кузен спросил:

– Так, значит, Антим, дед ваш, умер?

– Да, сударь, только что кончился.

Молчание возобновилось. Жена из вежливости сняла со свечи нагар. Тогда, чтобы сказать что-нибудь, я прибавил:

– Он был очень стар.

Его пятидесятисемилетняя внучка ответила:

– О, его время прошло, ему здесь больше нечего было делать!

Мне захотелось взглянуть на труп столетнего старика, и я попросил, чтобы мне его показали.

Крестьяне, до той минуты спокойные, неожиданно взволновались. Они вопросительно и обеспокоенно взглянули друг на друга и ничего не ответили.

Мой родственник, видя их смущение, настаивал.

Тогда муж спросил подозрительно и угрюмо:

– А на что вам это?

– Ни на что, – ответил Жюль. – Но ведь так всегда делается; почему вы не хотите показать его нам?

Крестьянин пожал плечами:

– Да я не отказываю, только в такое время это неудобно.

Множество догадок мелькнуло у каждого из нас. И так как внуки покойника по-прежнему не двигались и продолжали сидеть друг против друга, опустив глаза, с теми деревянными недовольными лицами, которые словно говорят: «Проваливайте-ка вы отсюда», Жюль сказал решительно:

– Ну, ну, Антим, вставайте и проводите нас в комнату старика.

Но крестьянин, хотя и покоряясь, хмуро ответил:

– Не стоит беспокоиться, его там уже нет, сударь.

– Где же он в таком случае?

Жена перебила мужа:

– Я вам скажу. Мы положили его до завтра в хлебный ларь; больше нам некуда было его деть.

Сняв тарелку с колбасой, она подняла крышку со стола, нагнулась со свечей, чтобы осветить внутренность огромного ящика, и в глубине его мы увидели что-то серое, какой-то длинный сверток, из одного конца которого высывалось худое лицо с включенными седыми волосами, а из другого – две босые ноги.

То был старик, весь высохший, с закрытыми глазами, закутанный в свой пастушеский плащ и спавший последним сном среди старых черных корок хлеба, таких же столетних, как и он сам.

Его внуки разговлялись над ним!

Жюль, возмущенный, дрожа от гнева, закричал:

– Да почему же вы не оставили его на его кровати, мужичье вы эдакое?

Тогда женщина расплакалась и быстро заговорила:

– Я все вам скажу, сударь, у нас только одна кровать в доме. Раньше мы спали на ней вместе с ним, ведь нас было всего трое. Когда он заболел, мы стали спать на земле, а в такие холода, как сейчас, это тяжело. Ну, а когда он помер, мы так и сказали себе: раз он теперь больше не страдает, зачем оставлять его в постели? Мы отлично можем убрать его до завтра в ларь, а сами ляжем на кровать, потому что ночь будет холодная! Не можем же мы спать с покойником, господа!..

Мой кузен, вне себя от негодования, быстро вышел, хлопнув дверью, а я последовал за ним, смеясь до упаду.

Сельма Лагерлеф **Перевод со шведского В. Спасской** **Легенды о Христе**

Святая ночь

Когда мне было пять лет, меня постигло очень большое горе. Более сильного я, кажется, с тех пор и не знала: умерла моя бабушка. До самой своей кончины она проводила дни, сидя в своей комнате на угловом диване и рассказывая нам сказки.

Бабушка рассказывала их с утра до вечера, а мы, дети, тихо сидели возле нее и слушали. Чудесная это была жизнь! Никаким другим детям не жилось так хорошо, как нам.

Лишь немного сохранилось у меня в памяти о моей бабушке. Помню, что у нее были красивые, белые как снег волосы, что она ходила совсем сгорбившись и постоянно вязала чулок.

Помню еще, что, кончив рассказывать какую-нибудь сказку, она обыкновенно опускала свою руку мне на голову и говорила:

– И все это такая же правда, как то, что мы сейчас видим друг друга.

Помню я и то, что она умела петь чудесные песни, но пела она их не часто. В одной из этих песен речь шла о рыцаре и о морской царевне, и у нее был припев: «Ветер холодный-холодный над морем подул».

Помню еще короткую молитву и псалом, которым она меня научила.

Обо всех сказках, которые она мне рассказывала, у меня осталось лишь бледное, смутное воспоминание. Только одну из них я помню так хорошо, что могла бы пересказать ее и сейчас. Это маленькая легенда о Рождестве Христовом.

Вот почти все, что я могу припомнить о своей бабушке, кроме того, что я помню лучше всего, – ощущение великой утраты, когда она покинула нас.

Я помню то утро, когда диван в углу оказался пустым, и было невозможно представить, когда же кончится этот день. Этого я не забуду никогда.

И помню я, как нас, детей, подвели к усопшей, чтоб мы простились с ней и поцеловали ее руку. Мы боялись целовать покойницу, но кто-то сказал нам, что ведь это последний раз, когда мы можем поблагодарить бабушку за все радости, которые она нам доставляла.

И я помню, как сказки и песни вместе с бабушкой уехали из нашего дома, уложенные в длинный черный ящик, и никогда больше не возвращались.

Что-то ушло тогда из жизни. Точно навсегда заперли дверь в широкий, прекрасный, волшебный мир, в котором мы прежде свободно бродили. И никого не нашлось, кто сумел бы отпереть эту дверь.

Мы постепенно научились играть в куклы и игрушки и жить так, как все другие дети, и могло показаться, что мы больше не тоскуем о бабушке и не вспоминаем о ней.

Но даже и в эту минуту, спустя много лет, когда я сижу и вспоминаю все слышанные мною легенды о Христе, в моей памяти встает сказание о Рождестве Христовом, которое любила рассказывать бабушка. И теперь мне хочется самой рассказать его, включив в мой сборник.

Это было в рождественский сочельник, когда все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Мы были, кажется, одни во всем доме. Нас не взяли, потому что одна из нас была слишком мала, другая слишком стара. И обе мы горевали о том, что не можем побывать на торжественной службе и увидеть сияние рождественских свечей.

И когда мы сидели с ней в одиночестве, бабушка начала свой рассказ:

– Когда-то в глухую, темную ночь один человек вышел на улицу, чтобы раздобыть огня. Он переходил от хижины к хижине, стучась в двери, и просил: «Помогите мне, добрые люди! Моя жена только что родила ребенка, и мне надо развести огонь, чтобы согреть ее и младенца».

Но была глубокая ночь, и все люди спали. Никто не откликнулся на его просьбу.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец он заметил вдали мерцающее пламя. Он направился к нему и увидел, что это костер, разведенный в поле. Множество белых овец спало вокруг костра, а старый пастух сидел и стерег свое стадо.

Когда человек приблизился к овцам, он увидел, что у ног пастуха лежат и дремлют три собаки. При его приближении все три проснулись и оскалили свои широкие пасти, точно собираясь залаять, но не издали ни единого звука. Он видел, как шерсть дыбом поднялась у них на спине, как их острые белые зубы ослепительно засверкали в свете костра и как все они кинулись на него. Он почувствовал, что одна схватила его за ногу, другая – за руку, третья вцепилась ему в горло. Но крепкие зубы словно бы не повиновались собакам, и, не причинив ему ни малейшего вреда, они отошли в сторону.

Человек хотел пойти дальше. Но овцы лежали, так тесно прижавшись друг к другу, спина к спине, что он не мог пробраться между ними. Тогда он прямо по их спинам пошел вперед, к костру. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась...

До сих пор бабушка вела рассказ не останавливаясь, но тут я не могла удержаться, чтобы ее не перебить:

– Отчего же, бабушка, они продолжали спокойно лежать? Ведь они так пугливы? – спросила я.

– Это ты скоро узнаешь, – сказала бабушка и продолжала свое повествование: – Когда человек подошел достаточно близко к огню, пастух поднял голову. Это был угрюмый старик, грубый и неприветливый со всеми. И когда он увидел, что к нему приближается незнакомец, он схватил длинный, остроконечный посох, с которым всегда ходил за стадом, и бросил в него. И посох со свистом полетел прямо в незнакомца, но, не ударив его, отклонился в сторону и пролетел мимо, на другой конец поля.

Когда бабушка дошла до этого места, я снова прервала ее:

– Отчего же посох не попал в этого человека?

Но бабушка ничего не ответила мне и продолжала свой рассказ:

– Человек подошел тогда к пастуху и сказал ему: «Друг, помоги мне, дай мне огня! Моя жена только что родила ребенка, и мне надо развести огонь, чтобы согреть ее и младенца!»

Старик предпочел бы ответить отказом, но, когда он вспомнил, что собаки не смогли укусить этого человека, овцы не разбежались от него и посох, не задев его, пролетел мимо, ему стало не по себе, и он не посмел отказать ему в просьбе.

«Бери, сколько тебе нужно!» – сказал пастух.

Но костер уже почти догорел, и вокруг не осталось больше ни поленьев, ни сучьев, лежала только большая куча жару; у незнакомца же не было ни лопаты, ни совка, чтобы взять себе красных угольков.

Увидев это, пастух снова предложил: «Бери, сколько тебе нужно!» – и радовался при мысли, что человек не может унести с собой огня.

Но тот наклонился, выбрал себе горстку углей голыми руками и положил их в полу своей одежды. И угли не обожгли ему рук, когда он брал их, и не прожгли его одежды; он понес их, словно это были яблоки или орехи...

Тут я в третий раз перебила рассказчицу:

– Бабушка, отчего угольки не обожгли его?

– Потом все узнаешь, – сказала бабушка и стала рассказывать дальше: – Когда злой и сердитый пастух увидел все это, он очень удивился: «Что это за ночь такая, в которую собаки кротки, как овечки, овцы не ведают страха, посох не убивает и огонь не жжет?» Он окликнул незнакомца и спросил его: «Что это за ночь такая? И отчего все животные и вещи так милостивы к тебе?» – «Я не могу тебе этого объяснить, раз ты сам этого не видишь!» – ответил незнакомец и пошел своей дорогой, чтобы поскорее развести огонь и согреть свою жену и младенца.

Пастух решил не терять этого человека из виду, пока ему не станет ясно, что все это значит. Он встал и пошел следом за ним до самого его обиталища. И пастух увидел, что у незнакомца нет даже хижины для жилья, что жена его и новорожденный младенец лежат в горной пещере, где нет ничего, кроме холодных каменных стен.

Пастух подумал, что бедный невинный младенец может насмерть замерзнуть в этой пещере, и, хотя он был суровым человеком, он растрогался до глубины души и решил помочь малютке. Сняв с плеч свою котомку, он вынул оттуда мягкую белую овчину и отдал ее незнакомцу, чтобы тот уложил на нее младенца.

И в тот самый миг, когда оказалось, что и он тоже может быть милосерден, глаза его открылись, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что вокруг него стоят плотным кольцом ангелочки с серебряными крылышками. И каждый из них держит в руках арфу, и все они поют громкими голосами о том, что в эту ночь родился Спаситель, который искупит мир от греха.

Тогда пастух понял, почему все в природе так радовалось в эту ночь и никто не мог причинить зла отцу ребенка.

Оглянувшись, пастух увидел, что ангелы были повсюду. Они сидели в пещере, спускались с горы и летали в поднебесье; они проходили по дороге и, минуя пещеру, останавливались и бросали взоры на младенца. И повсюду царили ликование, радость, пение и веселье... Все это пастух увидел среди ночной тьмы, в которой раньше ничего не мог разглядеть. И он, обрадовавшись, что глаза его открылись, упал на колени и стал благодарить Бога... – При этих словах бабушка вздохнула и сказала: – Но то, что видел пастух, мы тоже могли бы увидеть, потому что ангелы летают в поднебесье каждую рождественскую ночь. Если бы мы только умели смотреть!.. – И, положив мне руку на голову, бабушка прибавила: – Запомни это, потому что это такая же правда, как то, что мы видим друг друга. Дело не в свечах и лампадах, не в солнце и луне, а в том, чтобы иметь очи, которые могли бы видеть величие Господа!

Видение императора

Это случилось в то время, когда Август был императором в Риме, а Ирод – царем в Иудее.

И вот однажды на землю спустилась великая и святая ночь. Такой темной ночи никто еще никогда не видел. Невозможно было отличить воду от суши, и даже на самой знакомой дороге нельзя было не заблудиться. Да иначе и быть не могло, ведь с неба не падало ни одного лучика. Все звезды оставались дома, в своих жилищах, и ласковая луна не показывала своего лика.

И столь же глубокими, как мрак, были безмолвие и тишина этой ночи. Реки остановились в своем течении, не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка, листья осины перестали дрожать. Морские волны не бились больше о берег, а песок пустыни не хрустел под ногами у путника. Все окаменело, все стало недвижимо, чтобы не нарушать тишины святой ночи. Трава приостановила свой рост, роса не пала, цветы не источали свой аромат.

В эту ночь хищные звери не вышли на охоту, змеи затаились в своих гнездах, собаки не лаяли. Но самое чудесное заключалось в том, что и неодушевленные предметы хранили святость этой ночи, не желая содействовать злу: отмычки не отпирали замков, нож не мог пролить чью-то кровь.

В эту самую ночь несколько людей вышли из императорского дворца на Палатинском холме в Риме и направились через Форум к Капитолию. Незадолго перед тем, на закате дня, сенаторы спросили императора, не возражает ли он против их намерения воздвигнуть ему храм на священной горе Рима.

Но Август не сразу дал свое согласие. Он не знал, будет ли угодно богам, если рядом с их храмом будет выситься храм, сооруженный в его честь, и потому решил принести жертву своему духу-покровителю, чтобы узнать волю богов. Теперь в сопровождении нескольких приближенных он и отправился совершить это жертвоприношение.

Августа несли на носилках, потому что он был стар и подняться по высоким лестницам Капитолия уже не смог бы. В руках он держал клетку с голубями, которых намеревался принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни солдат, ни сенаторов; его окружали только самые близкие друзья. Факельщики шли впереди, как бы прокладывая путь среди ночного мрака, а сзади следовали рабы, несшие алтарь-треножник, ножи, священный огонь и все, что требовалось для жертвоприношения. Император весело беседовал дорогой со своими приближенными, и потому никто из них не заметил беспредельного безмолвия и тишины ночи. Только когда они поднялись к Капитолию и достигли места, предназначенного для сооружения храма, им стало ясно, что происходит нечто необычайное.

Эта ночь, несомненно, была не похожа на все другие ночи еще и потому, что на краю скалы император и его свита увидели какое-то странное существо. Сначала они приняли его за старый, искривленный ствол оливкового дерева, затем им показалось, что на скалу вышло древнее каменное изваяние из храма Юпитера. Наконец они поняли, что это была старая Сибилла.

Никогда еще им не приходилось видеть такого старого, побуревшего от непогоды и времени гигантского существа. Эта старуха наводила ужас. Не будь здесь императора, все бы разбежалось по домам и попрятались в свои постели.

– Это та, – шептали они друг другу, – которой столько же лет, сколько песчинок на берегу ее отчизны. Зачем вышла она именно в эту ночь из своей пещеры? Что предвещает императору и империи эта женщина, выводящая свои пророчества на листьях деревьев, чтобы ветер затем отнес их по назначению?

Страх перед Сибиллой был так велик, что, сделай она хоть малейшее движение, люди тотчас же пали бы ниц и приникли челом к земле. Но она сидела неподвижно, как изваяние. Согнувшись на самом краю скалы и полуприкрыв глаза руками, всматривалась она в ночную тьму. Казалось, она взобралась на холм, чтобы лучше рассмотреть нечто, происходящее бесконечно далеко. Значит, она могла что-то видеть даже в такую темную ночь!

Только теперь император и вся его свита заметили, как густ был ночной мрак. Ничего не было видно даже на расстоянии вытянутой руки. И какая тишина, какое безмолвие! Даже глухой рокот Тибра не долетал до их слуха. Они задыхались от неподвижного воздуха, холодный пот выступил у них на лбу, руки оцепенели и висели бессильно. Они чувствовали, что должно совершиться нечто ужасное. Однако никто из свиты не хотел обнаружить своего страха, все говорили императору, что это счастливое знамение: вся вселенная затаила дыхание, чтобы поклониться новому богу.

Они убеждали Августа поспешить с жертвоприношением.

– Возможно, что древняя Сибилла, – говорили они, – для того и покинула свою пещеру, чтобы приветствовать императора.

В действительности же внимание Сибиллы было поглощено совсем другим. Не замечая ни Августа, ни его свиты, она мысленно перенеслась в далекую страну. И чудилось ей, будто бредет она по обширной равнине. В темноте натывается она на какие-то кочки. Но нет, это не кочки, а овцы. Она блуждает среди огромного стада спящих овец. Вот она заметила костер. Он горит среди поля, и она пробирается к нему. Возле костра спят пастухи, а подле них лежат длинные, заостренные посохи, которыми они обычно защищают стадо от хищных зверей. Но что это? Сибилла видит, как стайка шакалов тихонько подкрадывается к огню. А между тем пастухи не защищают свое стадо, собаки продолжают мирно спать, овцы не разбегаются, и шакалы спокойно ложатся рядом с людьми.

Вот какую странную картину наблюдала сейчас Сибилла, но ничего не знала она о том, что происходит позади нее, на вершине горы. Она не знала, что там воздвигли жертвенник, развели огонь, насыпали курения и император вынул из клетки одного голубя, чтобы принести его в жертву. Но руки его вдруг так ослабели, что не могли удержать птицу. Одним легким взмахом крыльев голубь вырвался на свободу и, высоко взлетев, исчез в ночной тьме.

Когда это случилось, царедворцы подозрительно взглянули на древнюю Сибиллу. Они подумали, что это она все подстроила.

Могли ли они знать, что Сибилле по-прежнему чудилось, будто она стоит у костра пастухов и прислушивается к нежной музыке, тихо звучащей среди безмолвной ночи? Сибилла услышала ее задолго до того, как наконец поняла, что музыка доносится не с земли, а с неба. Она подняла голову и увидела, как по небу скользят светлые, лучезарные создания. Это были небольшие хоры ангелов. Казалось, они что-то ищут, тихонько напевая свои сладкозвучные гимны.

Пока Сибилла внимала ангельским песням, император снова готовился принести жертву. Он омыл руки, вычистил жертвенник и велел подать другого голубя. Но хотя на этот раз он изо всех сил старался удержать птицу, гладкое тельце выскользнуло из его руки, и голубь взвился к небу и скрылся в непроглядном мраке.

Императора охватил ужас. Он пал на колени перед пустым жертвенником и стал молиться своему духу-покровителю. Он просил его отвратить бедствия, которые, видимо, предвещала эта ночь.

Но и это прошло для Сибиллы незамеченным. Она вся была поглощена пением ангелов, которое становилось все сильнее и сильнее. Наконец оно стало таким громким, что разбудило пастухов. Приподнявшись, глядели они, как светозарные сонмы серебристых ангелов длинными, трепетными вереницами, подобно перелетным птицам, прорезали ночную тьму. У одних в руках были лютни и гусли, у других цитры и арфы, и пение их звенело так

же радостно, как детский смех, и так же беспечно, как щебетание жаворонков. Услышав это, пастухи встали и поспешили в город, где они жили, чтобы рассказать там об этом чуде.

Пастухи взбирались по тесной, извилистой тропинке, и древняя Сибилла следила за ними. Внезапно гора озарилась светом. Как раз над нею зажглась большая, яркая звезда, и, как серебро, заблестал в ее сиянии городок на вершине горы. Все сонмы носившихся в воздухе ангелов устремились туда с ликующими кликами, и пастухи ускорили шаги, так что уже почти бежали. Достигнув города, они увидели, что ангелы собрались над низкими яслями близ городских ворот. Это было жалкое строение с соломенной крышей, прилепившееся к скале. Над ним-то и сияла звезда, и сюда стекалось все больше и больше ангелов. Одни садились на соломенную кровлю или опускались на отвесную скалу за ним; другие, раскинув крылья, реяли в воздухе. И от их лучезарных крыльев весь воздух светился ярким светом.

В тот самый миг, как над городком зажглась звезда, вся природа пробудилась, и люди, стоявшие на высотах Капитолия, не могли не заметить этого. Они почувствовали, как свежий, ласкающий ветерок пронесся в воздухе, как потоки благоуханий разлились вокруг них. Деревья зашелестели, Тибр зарокотал, засияли звезды, и луна поднялась внезапно на небе и осветила мир. А с облаков вспорхнули два голубя и сели на плечи императору.

Когда произошло это чудо, Август поднялся в горделивой радости, друзья же его и рабы бросились на колени.

– Ave Caesar!¹ – воскликнули они. – Твой дух ответил тебе. Ты тот бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия.

И восторженные крики, которыми свита славila императора, были такими громкими, что дошли наконец до слуха старой Сибиллы и отвлекли ее от видений. Она поднялась со своего места на краю скалы и направилась к людям. Казалось, темная туча поднялась из бездны и понеслась на горную вершину. Сибилла была ужасна в своей старости: спутанные волосы висели вокруг ее головы жидкими космами, суставы рук и ног были вздуты, потемневшая кожа, покрывавшая тело неисчислимыми морщинами, напоминала древесную кору.

Могучая и грозная, подошла она к императору. Одной рукой она коснулась его плеча, другой указала ему на далекий восток.

– Взгляни! – повелела она, и император последовал ее приказу.

Пространство открылось перед его взором, и они проникли в дальнюю восточную страну. И он увидел убогий хлев под крутым утесом и в открытых дверях несколько коленапоклоненных пастухов. В пещере же увидел он юную мать, стоявшую на коленях перед новорожденным младенцем, который лежал на связке соломы на полу.

И своими большими, узловатыми пальцами Сибилла указала на этого бедного младенца.

– Ave Caesar! – воскликнула она с язвительным смехом. – Вот тот Бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия!

Тогда Август отшатнулся от нее, как от безумной. Но мощный дух предвидения снизошел на Сибиллу. Ее тусклые глаза загорелись, руки простерлись к небу, голос изменился, точно он принадлежал не ей; в нем появились такая звучность и сила, что его можно было бы слышать по всей вселенной. И она произнесла слова, которые, казалось, прочитала в небесах:

– На Капитолии будут поклоняться обновителю мира, будь он Христом или Антихристом, но не рожденным из праха.

Сказав это, она прошла мимо пораженных ужасом людей, медленно спустилась с вершины горы и исчезла.

¹ Да здравствует Цезарь! (лат.) – обращение к императору.

На следующий день Август строго запретил сооружать ему памятник на Капитолии. Взамен его он воздвиг там святилище в честь новорожденного Бога-младенца и назвал его Алтарь Неба – *Ara coelli*.

Колодец Мудрецов

Стояло лето. По Древней Иудее по завядшим кустам терновника и по желтой от зноя траве ходила Засуха, угрюмая, с ввалившимися глазами.

Солнце обжигало горы, лишенные тени; малейший ветерок поднимал с земли густые облака известковой пыли; стада толпились в долинах у иссякших ручьев.

Засуха ходила и осматривала запасы воды. Она направилась к прудам Соломона и с досадой увидела, что еще много воды заключают они в своих скалистых берегах. Затем она спустилась к знаменитому колодцу Давида, близ Вифлеема, и там тоже нашла еще воду. Оттуда она медленно поплелась по большой проезжей дороге, ведущей из Вифлеема в Иерусалим.

Пройдя около половины пути, она увидела Колодец Мудрецов, вырытый у самого края дороги, и тотчас же заметила, что он вот-вот иссякнет. Засуха присела на сруб колодца, состоящий из одного цельного, большого, выдолбленного камня, и заглянула в его глубину. Светлое водное зеркало, обыкновенно видневшееся близ самого отверстия, опустилось глубоко вниз, и тина и ил со дна загрязнили и замутили его.

Когда колодец увидел в своем тусклом зеркале загорелое лицо Засухи, на дне его послышался жалобный всплеск.

– Желала бы я знать, когда же тебе придет конец! – сказала Засуха. – Ведь под землей не осталось ни одного ручейка, который мог бы просочиться и дать тебе новую жизнь. А дождя, слава Богу, жди не раньше чем через два-три месяца.

– Можешь быть спокойна, – тяжело вздохнул колодец. – Мне уже никто не поможет. Разве что райский ключ забудет вдруг со дна моего.

– Ну, так я не оставлю тебя, пока все не будет кончено, – сказала Засуха.

Она видела, что старому колодцу осталось недолго жить, и хотела насладиться тем, как жизнь будет покидать его капля за каплей.

Она уселась поудобней на сруб и с радостью стала прислушиваться к горестным вздохам колодца в глубине. Большое удовольствие испытывала она, видя, как жаждущие странники подходят к колодцу, опускают в него свои ведра и вытаскивают со дна лишь несколько капель смешанной с тиной воды.

Так прошел весь день, и, когда стало смеркаться, Засуха снова заглянула в колодец. Внизу еще блестело немножко воды.

– Я здесь останусь на всю ночь! – крикнула она. – Можешь не торопиться! Когда совсем рассветет и я смогу снова заглянуть в тебя, на дне уже не будет ни капли.

Засуха прикорнула на крыше колодца.

А на Иудею тем временем сошла душная ночь, еще более жестокая и мучительная, чем знойный день. Собаки и шакалы выли, не переставая, им вторили томимые жаждой ослы и коровы. Редкие порывы ветра не приносили прохлады, сам ветер был горяч и удушлив, как жаркое дыхание огромного спящего чудовища.

Но звезды сверкали волшебным, как никогда, и маленький блестящий серп молодого месяца заливал серые холмы чудным, зеленоватоголубым светом. И в этом сиянии Засуха увидела длинный караван, приближавшийся к холму, где находился Колодец Мудрецов.

Засуха смотрела на караван и с наслаждением представляла, сколько томимых жаждой людей приближается к колодцу. И не найдут они здесь ни одной капли воды, чтобы напиться. Караван был столь велик, что вполне мог бы вычерпать все содержимое колодца, если б даже он был доверху полон воды. Но вдруг Засухе показалось, что в этом караване, путешествующем в ночи, есть что-то необычное, таинственное. Все верблюды появились перед ней на вершине холма, отвесно вздымавшегося над горизонтом, как-то внезапно, точно спустились

с неба. Они казались крупней обыкновенных верблюдов и слишком уж легко несли свой большой груз.

В то же время не было сомнения в том, что и верблюды, и люди были настоящие, живые, ведь она видела их совершенно ясно. Засуха могла даже разглядеть, что трое передних верблюдов были дромадеры² с серой, лоснящейся шерстью. На них была богатая упряжь, они были покрыты дорогими коврами, и всадниками их были красивые и знатные вельможи.

Весь караван остановился у колодца; дромадеры с резкими криками опустились на землю, и всадники сошли с них. Вьючные верблюды остались стоять, к ним подходили остальные, и скоро они образовали бесконечную вереницу высоких шей и горбов и причудливо нагроможденных выюков.

Три всадника, ехавшие на дромадерах, подошли к Засухе и приветствовали ее, приложив руку ко лбу и к сердцу. Она увидела, что на них были ослепительно-белые одеяния, а их огромные белоснежные чалмы венчали звезды, сиявшие таким ярким блеском, точно их сняли прямо с неба.

– Мы прибыли из дальней страны, – сказал один из чужеземцев, – и хотим спросить у тебя: действительно ли это Колодец Мудрецов?

– Так он назывался еще сегодня, – ответила Засуха, – но завтра здесь больше не будет колодца. Он должен умереть в эту ночь.

– Об этом можно догадаться, увидев тебя здесь, – сказал чужеземец. – Но разве это не один из тех священных колодцев, которые никогда не могут иссякнуть? Иначе зачем бы ему носить это имя?

– Я знаю, он священен, – сказала Засуха, – но что из того? Ведь все три мудреца, давшие ему это название, давно в раю.

Путешественники переглянулись.

– Ты действительно знаешь историю этого древнего колодца? – спросили они.

– Я знаю историю всех колодцев и источников, всех ручьев и родников на свете, – гордо ответила Засуха.

– Так окажи нам милость, расскажи нам о священном Колодце Мудрецов! – попросили чужеземцы.

И они уселись кружком возле Засухи, стародавнего врага всего живущего на земле, и стали слушать.

Засуха откашлялась, поудобнее устроилась на своем высоком сиденье и приступила к повествованию:

– В Габесе, мидийском городе, лежащем у самой пустыни и поэтому часто служившем мне желанным приютом, жили много-много лет тому назад три человека, славившиеся своей мудростью. В то же время они были очень бедны – странное, казалось бы, обстоятельство, ибо в Габесе знание было в большом почете и щедро оплачивалось. Но эти люди и не могли ожидать ничего иного, ибо один из них был очень стар, другой поражен проказой, третий же был черный толстогубый негр. Первого люди считали выжившим из ума стариком, второго избегали из боязни заразиться, речам же третьего они не хотели внимать, потому что были уверены, что никогда еще мудрость не являлась к ним из Эфиопии.

Между тем общее несчастье объединило трех мудрецов. Днем они просили милостыню у одних и тех же ворот храма, ночью спали на одной и той же кровле. Таким образом они и коротали время, рассказывая друг другу обо всем чудесном, что им приходилось видеть в своей жизни.

² Дромадер – одногорбый одомашненный верблюд.

Однажды ночью, когда они спали рядышком на крыше, густо заросшей красным душистым маком, самый старый из них проснулся и, едва открыв глаза, принялся будить своих товарищей. «Хвала нашей бедности, принуждающей нас спать на открытом воздухе! – сказал он им. – Проснитесь и поднимите взоры к небу!» Что и говорить, – продолжала Засуха, смягчив немного голос. – Это была такая ночь, что забыть ее никому не возможно. Было так светло, что небо, похожее обычно на твердый свод, казалось глубоким и прозрачным, как море. Свет вздымался в нем приливами и отливами, а звезды, казалось, плавали на различной глубине, одни в самых волнах света, другие на их поверхности.

Но вдруг из самой глубины неба показалось какое-то темное пятно. И это пятно стало стремительно приближаться. Приближаясь, оно светлело, но светлело так, как светлеют розы – да повелит им всем Господь Бог увянуть! – когда они распускаются. Пятно делалось все крупнее, темная оболочка его постепенно расходилась, и ярко засветились ее первые четыре лепестка.

Наконец, поравнявшись с самой близкой из звезд, это пятно, светящееся изнутри, остановилось. Краешки темной оболочки совсем отогнулись в стороны, и из середины стали развертываться один за другим лепестки дивно-лучезарного розоватого светила, перед которым побледнели все звезды небосклона.

Когда бедняки увидели это, их мудрость подсказала им, что в этот час родился на земле царь, который превзойдет своим могуществом и славой царя Кира и Александра Македонского. И они сказали друг другу: «Пойдем к родителям новорожденного и скажем им, что мы видели! Может статься, что мы получим от них в награду кошелек с червонцами или золотое запястье».

Мудрецы взяли свои длинные дорожные посохи и отправились в путь. Они прошли через город и вышли к городским воротам, но тут остановились в нерешительности, ибо перед ними расстилалась великая – сухая и восхитительная – пустыня, которой люди так страшатся. И тогда они увидели, что новая звезда отбросила на песок пустыни узкую полоску света, как бы манящую их за собой, и, исполнившись надежды, они двинулись вперед за путеводной звездой.

Всю ночь шли они по бесконечной пустыне, беседуя о новорожденном царе, которого, конечно, найдут в золотой колыбели играющим драгоценными камнями. И ночь пролетела незаметно в беседах о том, как предстанут они пред царем, отцом новорожденного, и пред его матерью-царицей и как поведают им о небесном знамении, предрекающем их сыну силу и могущество, красоту и счастье, какими не обладал царь Соломон...

Они гордились тем, что Бог избрал именно их и им дал увидеть рождественскую звезду. Они говорили себе, что родители новорожденного должны дать им в награду по меньшей мере двадцать кошельков с золотом, а может быть, и столько, что им никогда уже больше не придется знать нужду и лишения... Я, как лев, подстерегающий добычу, лежала в пустыне, – пояснила свой рассказ Засуха, – и собиралась обрушиться на этих путников всеми пытками жажды, но они ускользнули от меня. Звезда вела их всю ночь; утром же, когда небо посветлело и все другие звезды померкли, она настойчиво продолжала гореть и сиять над пустыней, пока не привела путников к оазису, где они нашли родник и деревья со спелыми плодами. Там они отдыхали весь день и двинулись далее лишь к ночи, когда снова увидели свет звезды, озаряющий собой пески пустыни.

Звезда не только вела, но и охраняла мудрецов от голода и жажды. Ни колючие кустарники, ни глубокие зыбучие пески, ни жгучее солнце, ни знойные пустынные бури не причиняли путникам вреда. И мудрецы понимали это. «Бог хранит нас и благословляет наше странствие. Мы его послы», – говорили они. Но и я не теряла времени зря, – усмехалась Засуха, – мало-помалу я все же прибрала их к рукам и завладела их сердцами. И они пре-

вратились в такую же мертвую пустыню, как та, по которой они шли. Они преисполнились бесплодной гордостью и опустошающей алчностью.

«Мы Божьи послы, – все чаще твердили мудрецы, – и если отец новорожденного подарит нам целый караван, груженный золотом, это, пожалуй, будет нелишним».

Наконец звезда привела их к реке Иордану и заставила подняться на холмы Иудейской страны. И однажды ночью она остановилась перед городком Вифлеемом, огни которого сверкали среди оливковых деревьев на одном из горных склонов.

Мудрецы стали озиаться и искать, где же здесь дворцы, укрепленные башни, каменные стены и все, чему подобает быть в царской столице, но ничего такого не увидели. Хуже того, сияние звезды привело их вовсе не в город, оно остановилось на краю дороги, перед какой-то жалкой пещерой. Кроткий свет звезды озарил ее, и три странника увидели младенца, которого мать баюкала у себя на коленях.

Но хотя мудрецы ясно видели, как сияние звезды, словно венцом, окружило головку младенца, они остались стоять перед входом в пещеру. Они не вошли в нее, чтобы предсказать малютке славу и царскую власть, а повернули назад, ничем не выдав своего присутствия, и спустились вниз с холма.

«Неужели мы шли к нищим, столь же ничтожным и бедным, как мы сами? – говорили они. – Разве для того вел нас сюда Господь Бог, чтобы мы предрекли сыну пастуха величие и славу? Этот ребенок всю свою жизнь будет пасти свое овечье стадо. Вот какой будет его судьба».

Засуха умолкла и покачала головой. Всем своим видом она как бы хотела сказать: «Не правда ли, на свете нет ничего бесплоднее, чем человеческое сердце!»

– Мудрецы недалеко ушли от того места, – продолжила Засуха свой рассказ, – когда им пришлось в голову, что, возможно, они заблудились, сбились с пути, указанного им звездой. Они подняли глаза, чтобы снова найти по звезде истинный путь. Но оказалось, что звезда, за которой они следовали с востока, исчезла с небесного свода.

Трое чужеземцев вздрогнули при этих словах, их лица выражали глубокое страдание.

– И тут случилось нечто, – продолжала рассказчица, – по мнению людей, в высшей мере радостное. Когда мудрецы увидели, что на небе нет больше звезды, они тотчас же поняли, что согрешили пред Богом. И с ними сделалось то же, что делается с землей в осеннюю пору, когда начинаются сильные дожди. Они задрожали от ужаса, как земля содрогается от ударов молнии и раскатов грома, сердца их смягчились, смирение пробилось в их сердца, как пробивается весной зеленая травка.

Три дня и три ночи бродили они по стране, чтобы отыскать младенца, которому должны были поклониться. Но звезда не показывалась им; они все больше и больше сбивались с пути, и все сильнее охватывали их величайшая скорбь и отчаяние. На третью ночь они подошли к этому вот колодцу, чтобы утолить жажду. И тогда Бог сжалился над ними и простил им их грех. Наклонившись над водой, они увидели глубоко внизу отражение звезды, приведшей их с востока.

Тотчас же увидели они ее и на небе, и звезда снова привела их к Вифлеемской пещере. Там они преклонили колени пред младенцем и сказали: «Мы приносим тебе золотые чаши, полные ладана и драгоценных благовоний. Ты будешь величайшим из царей, когда-либо правивших на земле от самого ее сотворения и до кончины мира».

Младенец положил свою ручку на их склоненные головы, и, когда они поднялись, оказалось, что он наделил их дарами, какими самый могущественный царь не мог бы одарить своих подданных. Ибо нищий старик обратился в цветущего юношу, прокаженный очистился, а негр стал прекрасным белолицым мужчиной. И говорят, что по возвращении на родину они сделались царями, каждый в своей стране.

Засуха кончила свое повествование, и три чужеземца похвалили ее рассказ.

– Ты хорошо все рассказала, – говорили они.

– Но не странно, – сказал один из чужеземцев, – что эти три мудреца ничего не сделали для колодца, показавшего им звезду? Неужели они совершенно забыли о таком благодеянии?

– Не должен ли этот колодец, – поддержал его другой чужеземец, – постоянно оставаться на своем месте для напоминания людям о том, что счастье, утраченное на вершинах горы, можно вновь обрести в глубинах смирения?

– Неужели умершие хуже живущих? – сказал третий из них. – Разве благодарность умирает в сердцах тех, кто обитает в раю?

Когда они произнесли это, Засуха с воплем соскочила с колодца. Она узнала чужеземцев; она поняла, кто эти путешественники, и, как безумная, бросилась прочь, чтобы не видеть, как три мудреца подозвали своих слуг и подвели к колодцу своих верблюдов, нагруженных мехами, и бедный, умирающий колодец наполнили водой, привезенной ими из рая...

Вифлеемский Младенец

В Вифлееме у городских ворот стоял на часах римский воин. На нем были латы и шлем; короткий меч висел у его пояса, а в руке он держал длинное копье. Целый день стоял он почти недвижимо, так что издали его можно было принять за железную статую. Горожане входили в ворота и выходили из них, нищие усаживались в тени под их сводами; продавцы фруктов и вина ставили рядом с воином свои корзины и бочонки, но он и головы не поворачивал, чтобы взглянуть на них.

«Что можно здесь увидеть? – как будто хотел он сказать. – Какое мне дело до этих торговцев и прочей человеческой мелюзги! Я хотел бы увидеть войско, готовое идти на врага! Ничто так не веселит мой взор, как картины войны. Я томлюсь по гулу медных труб, по блеску оружия, по кровавым следам победоносной битвы». Сразу же за городскими воротами начиналось великолепное поле, все заросшее белыми лилиями. Воин стоял здесь каждый день и мог постоянно любоваться их нежной красотой, но ему и в голову не приходило хоть раз обратить на них внимание. Порой он замечал, что прохожие останавливаются и любят лилиями, и тогда он изумлялся тому, что они тратят свое время на такие ничтожные вещи.

«Эти люди, – думал он, – не знают того, что действительно прекрасно».

И, думая так, он переносился мечтами в раскаленную пустыню знойной Ливии. Он видел легион солдат, выступающий длинной шеренгой по желтому песку, поглощавшему все следы. Нигде ни малейшей тени, чтоб укрыться от солнечных лучей, ни источника, чтоб утолить жажду. Пустыне не видно конца, солдаты, изнуренные жаждой и голодом, едва держатся на ногах. Они падают один за другим, словно сраженные палящим солнечным зноем. Но несмотря на все, войско упорно идет вперед, среди воинов нет предателей и дезертиров.

«Вот что прекрасно! – заключил про себя воин. – Вот что достойно внимания храброго мужа...»

Вокруг солдата играли дети, но и с ними было то же, что и с цветами. Дети не привлекали его сурового взора. «Чему тут радоваться? – думал он, когда видел, что люди улыбаются, глядя на детскую игру. – Странно, какие пустяки могут доставлять им удовольствие».

Однажды, когда воин, как обычно, стоял у городских ворот на своем посту, он увидел маленького мальчика, лет трех от роду, прибежавшего поиграть на луг. Это был ребенок из бедной семьи, и играл он совсем один. Солдат стоял и невольно следил за этим мальчиком.

Первое, что бросилось ему в глаза, было то, как легко малыш бегал по лугу, точно носился по верхушкам травинок. Но, присмотревшись к его играм, воин еще более изумился. «Клянусь своим мечом, – подумал он про себя, – этот ребенок играет совсем не так, как другие дети! Чем это он занимается?»

Вот мальчик протянул ручку, чтоб поймать пчелу, сидевшую в цветке и до того отягощенную цветочным нектаром, что она была уже не в силах улететь. К великому удивлению воина, пчела далась мальчику в руки, не пытаясь от него ускользнуть и не пуская в ход своего жала. Держа ее на ладонке, мальчик побежал к городской стене, в расщелине которой целый рой пчел устроил себе улей, и посадил ее туда. Оказав таким образом помощь одной пчеле, он тотчас же поспешил помочь другой. Весь день солдат наблюдал, как ребенок ловил пчел и помогал им вернуться в улей.

«Глупее этого мальчика я, право же, никого не видел, – думал про себя воин. – Зачем помогать пчелам, которые могут отлично сами о себе позаботиться, да вдобавок, того и гляди, ужалят его? Каким же он станет глупцом, когда вырастет!»

Малыш приходил на луг каждый день, а воин невольно продолжал удивляться ему и его играм. «Не странно ли это? – думал он. – Я уже целых три года стою на посту у этих ворот, и ничто так не привлекало моего внимания, как этот ребенок».

Но малыш возбуждал в воине далеко не радостные чувства. Наоборот, глядя на него, воин вспоминал страшные слова древнего иудейского пророка о том времени, когда на земле воцарится мир. Целое тысячелетие люди не будут проливать крови, не будут вести войн, а будут любить друг друга, как братья. Когда воин думал, что столь ужасное предсказание может осуществиться, дрожь пробегала по его телу, и, как бы ища опоры, он крепче сжимал свое копьё.

И чем больше воин наблюдал за ребенком и за его играми, тем чаще думал он о царстве тысячелетнего мира. Конечно, он не боялся, что это царство наступит скоро, но ему не хотелось даже думать о том далеком будущем, которое может отнять у воинов шум и радость битвы.

Однажды, когда мальчик играл среди цветов на зеленом лугу, сильный дождь с шумом хлынул из тучи. Заметив, какие крупные и тяжелые капли падают на нежные лилии, малыш, по-видимому, встревожился за судьбу своих прелестных подруг. Он подбежал к самой крупной и самой прекрасной из них и пригнул к земле жесткий стебель, поддерживавший цветы, так что дождевые капли стали падать на нижнюю сторону венчиков. И, сделав так с одним цветком, он тотчас же поспешил к другому и таким же точно образом согнул его стебель, чтоб повернуть цветочные венчики к земле. А затем к третьему и четвертому, пока все цветы на лугу не были защищены от сильного дождя.

Воин смеялся про себя, следя за возней мальчика с цветами. «Боюсь, что лилии не будут ему благодарны за это, – думал он. – Все цветы, конечно, поломаны. Нельзя так сгибать эти жесткие стебли».

Но когда ливень наконец прекратился, воин увидел, что малютка бежит от одной лилии к другой и приподнимает их. К неописуемому изумлению солдата, ребенок выпрямлял жесткие стебли без малейшего труда, и ни один из них не был сломан или поврежден, так что вскоре все спасенные лилии поднялись как ни в чем не бывало.

Когда воин увидел это, им овладели необъяснимый гнев и досада. «Что это за ребенок? – говорил он себе. – Что за бессмыслицу он придумал? Какой же мужчина выйдет из этого глупца, если он жалеет какие-то никчемные лилии? Что же он будет делать, если его пошлют на войну? Что сделает он, если ему прикажут поджечь дом с женщинами и детьми или пустить ко дну корабль, на котором вышел в море целый отряд?»

Снова пришло ему на память древнее пророчество, и он начал опасаться, что уже близится время, когда оно сможет осуществиться. Раз мог появиться на свет такой ребенок, значит, и это ужасное время не за горами. Если все люди отныне будут такими же, как этот ребенок, они не смогут навредить друг другу – они не решатся погубить пчелу или цветок. Не будет больше великих подвигов, не будет славных побед, и ни один блистательный триумфатор не поднимется уже на Капитолий. И в мире не будет ничего, о чем мог бы мечтать храбрец.

И солдат, грезивший о новых войнах и мечтавший своими подвигами добиться власти и богатства, почувствовал такое раздражение против этого трехлетнего малыша, что, когда тот пробежал мимо, погрозил ему копьём.

Однажды стоял особенно жаркий день. Солнечные лучи, падая на шлем и на латы воина, превратили их в огненные доспехи. Глаза его налились кровью, губы пересохли, но привыкший стойко выдерживать палящий зной африканских пустынь солдат мужественно переносил страдания, и ему и в голову не приходило оставить свой пост. Ему было даже приятно показать прохожим, как он силен и вынослив.

Когда он так стоял в карауле, чуть не сгорая заживо в этом пекле, мальчик вдруг подошел к нему. Он прекрасно знал, что солдат его недолюбливает, и обыкновенно держался на почтительном расстоянии от его копья, но теперь он все-таки приблизился к нему, долго и пристально смотрел на него и затем бросился бегом по дороге. Скоро он вернулся. Обе ручки его были сложены в виде чашечки, в ней он нес немного воды.

«Неужели этому ребенку пришло в голову бежать за водой для меня? – подумал солдат. – Какая глупость! Римскому ли легионеру не вынести легкого зноя! Зачем этому малышу лезть со своей помощью к тем, кто вовсе в ней не нуждается? Не хочу я его милосердия. Я желал бы, чтобы мир избавился от него и от всех ему подобных».

Мальчик шел очень тихо, крепко сжимая пальчики, чтоб не расплескать и не пролить ни капли. Подходя к солдату, он не спускал глаз с воды, которую нес, а потому и не видел, что тот стоит, сердито нахмутив лоб и враждебно глядя на него.

Наконец мальчик остановился перед солдатом и, улыбнувшись, протянул ему пригоршню с водой.

Но солдат не желал принимать благодеяние от этого ребенка, которого считал своим врагом. Он не глядел на его прелестное личико и продолжал стоять, суровый и неподвижный, делая вид, что не замечает намерений малыша.

Ребенок все так же доверчиво улыбался. Он встал на цыпочки и поднял ручки так высоко, как только мог, чтоб рослому солдату легче было напиться.

Легионер почувствовал такое унижение при одной мысли, что ему хочет помочь слабый ребенок, что он даже замахнулся на мальчика копьем. Но тут жара сделалась такой невыносимой, что красные круги пошли у солдата перед глазами, и он почувствовал, что теряет сознание. Он ужаснулся, что может умереть от солнечного удара, и, вне себя от страха, бросил копье на землю, схватил обеими руками ребенка, приподнял его и выпил воду из его пригоршни.

Лишь несколько капель попало ему на язык, но больше ему и не было нужно. Как только он отведал воды, сладостная прохлада пробежала по его телу, он не чувствовал больше, что шлем и латы сжигают его. Лучи солнца утратили свою смертоносную силу. Пересохшие губы его снова сделались мягкими, и красные круги перестали пламенеть перед его глазами.

Едва успев опомниться, он спустил ребенка на землю, и тот снова побежал играть на лугу. Только теперь солдат пришел в себя и подумал: «Что за воду этот ребенок принес мне? Это поистине чудодейственный напиток. Мне бы следовало сказать малышу спасибо».

Но он так ненавидел мальчика, что отогнал от себя эту мысль.

Он даже еще больше вознегодовал на ребенка, когда спустя несколько минут увидел в воротах начальника римских войск, стоявших в Вифлееме. «Подумать только, – мелькнуло у него в голове, – какой опасности я подвергался из-за дерзкой выдумки этого мальчишки! Если бы Вольтигий пришел одной только секундой раньше, он застал бы меня на посту с ребенком на руках».

А начальник пришел сообщить солдату важную государственную тайну.

– Ты ведь знаешь, – сказал начальник, отведя солдата в сторону, чтобы их никто не услышал, – что царь Ирод уже много раз пытался найти одного ребенка, живущего здесь, в Вифлееме. Пророки и первосвященники предсказали царю, что этот мальчик унаследует его престол и положит начало тысячелетнему царству святости и мира. Поэтому Ироду очень хотелось бы избавиться от этого ребенка.

– Я понимаю, – с жаром откликнулся воин, – но ведь нет ничего проще, чем схватить этого мальчишку.

– Это было бы легко, – сказал военачальник, – если б только царь знал, к которому из всех младенцев Вифлеема относится это предсказание.

Лоб воина прорезали глубокие морщины.

– Жаль, – огорчился он, – что прорицатели не могут дать ему точных указаний.

– Но теперь царь Ирод придумал хитрость, при помощи которой рассчитывает обезопасить себя от малолетнего соперника, – продолжал военачальник. – Он обещает щедро одарить всякого, кто поможет ему в этом деле.

– Все, что прикажет Вольтигий, будет исполнено без ожидания награды или оплаты, – отчеканил солдат.

– Тогда слушай, что задумал царь. В день рождения своего младшего сына Ирод устраивает праздник, на который будут приглашены вместе со своими матерями все вифлеемские мальчики в возрасте от двух до трех лет. И на этом празднике... – Тут Вольтигий оборвал свою речь и долго шептал что-то солдату на ухо, а когда закончил, прибавил уже громко: – Мне, конечно, не надо говорить тебе, что ты ни словом не смеешь обмолвиться об услышанном.

– Ты знаешь, Вольтигий, что ты можешь на меня положиться, – ответил солдат.

Когда начальник удалился и воин снова остался один на своем посту, он стал искать глазами ребенка. Тот по-прежнему играл среди цветов – легко и красиво, как мотылек. Вдруг воин рассмеялся.

«Этому ребенку осталось недолго мозолить мне глаза. Он тоже будет приглашен сегодня вечером к Ироду на праздник».

Воин оставался на карауле, пока не настал вечер и не пришло время запирать городские ворота на ночь.

Тогда он направился узкими и темными улицами к роскошному дворцу Ирода в Вифлееме.

Внутри этого громадного дворца был большой мощный двор, окруженный тремя открытыми галереями. На верхней из них царь и распорядился устроить праздник для вифлеемских детей. Эта галерея по повелению царя превращена была в чудесный сад.

По крыше вились виноградные лозы, с которых свешивались тяжелые, спелые гроздья, вдоль стен и колонн стояли маленькие гранатовые и апельсиновые деревья, ветви которых сгибались от тяжести плодов. Полы были усыпаны лепестками роз, образовавшими густой и мягкий ковер, а по балюстрадам, по карнизам крыши, по столам и низким скамейкам вились гирлянды ослепительно-белых лилий.

Среди этой рощи прятались мраморные бассейны, в прозрачной воде которых играли золотые и серебряные рыбки. По деревьям порхали разноцветные заморские птицы, а в клетке каркал без умолку старый ворон.

К началу праздника в галерею стали собираться гости. При самом входе во дворец малюток наряжали в белые одежды с пурпурной каймой, а на их темнокудрые головки надевали венки из роз. Женщины величественно выступали в своих алых и голубых одеждах, в белых покрывалах, спускавшихся с высоких, остроконечных головных уборов, украшенных золотыми монетами и цепочками. Одни несли детей на плече, другие вели их за руку, а самых маленьких и робких матери держали на руках.

Женщины опустили на пол посреди галереи. Как только они уселись, явились рабы и расставили перед ними низенькие столики с изысканными яствами и напитками, как это принято на царских пиршествах, и все эти счастливые матери начали есть и пить, сохраняя горделивое достоинство, составляющее главную прелесть вифлеемских женщин.

Вдоль самых стен галереи, почти скрытые гирляндами цветов, были выстроены в два ряда воины в полном вооружении. Они стояли совершенно неподвижно, как будто им не было никакого дела до того, что происходит вокруг. Конечно, женщин не могло не удивлять полчище одетых в железо людей.

– К чему они тут? – шептали они друг другу. – Неужели Ирод воображает, что мы не умеем прилично вести себя? Или он думает, что для наблюдения за нами нужно такое множество воинов?

Но другие шептали в ответ, что таков обычай, что вооруженные легионеры несут свой караул, чтобы выказать особый почет гостям царя Ирода.

В первые минуты празднества малютки были застенчивы и неуверенны; притихнув, они жались к матерям. Но скоро они оживились и потянулись ко всем чудесам, приготовленным для них Иродом.

Сказочную страну создал царь для своих маленьких гостей. Проходя по галерее, они находили улы, и ни одна сердитая пчелка не мешала детям забирать оттуда мед. Им попадались деревья, склонявшие к ним свои отягченные плодами ветви. В одном уголке они нашли чародеев, в один миг наполнивших их карманы игрушками, а в другом – укротителя диких зверей, показавшего им двух тигров, таких ручных, что дети могли на них кататься верхом.

Однако в этом раю со всеми его чудесами ничто не привлекало такого внимания детей, как длинный ряд воинов, стоявших неподвижно вдоль стен галереи. Их блестящие шлемы, их строгие, гордые лица, их короткие мечи, вложенные в богато украшенные ножны, приковывали к себе взоры мальчиков.

Играя и шая, малыши не переставали следить за воинами. Они еще держались на почтительном расстоянии от них, но страстно хотели подойти к ним поближе, чтоб посмотреть, живые ли это люди и могут ли они двигаться.

Игры и праздничное веселье делались с каждой минутой все оживленнее, но солдаты стояли все так же неподвижно. Малышам казалось невероятным, чтоб люди могли стоять так близко от виноградных гроздьев и всех других лакомств и совсем этим не интересоваться.

Но вот один из детей оказался не в силах сдержать свое любопытство. Готовый каждую секунду обратиться в бегство, он приблизился к одной из закованных в латы фигур. Солдат оставался по-прежнему неподвижным. Тогда мальчик подошел к нему еще ближе и наконец очутился так близко от него, что мог потрогать его одежду и ремни его сандалий.

И вдруг, как будто это прикосновение ребенка было неслыханным преступлением, все железные статуи сразу ожили. В неопишемом бешенстве накинулись они на детей и стали хватать их. Одни размахивали ими над головой и сбрасывали через перила галереи вниз, где дети находили себе смерть, ударяясь о мраморные плиты. Другие обнажали мечи и пронзали ими сердца малышей, третьи разбивали им головки о стены, а потом швыряли их на объятый ночью тьмою двор.

В первую минуту после нападения наступила мертвая тишина. Женщины окаменели от ужаса.

Но уже в следующий миг эти несчастные поняли, что произошло, и с диким воплем отчаяния бросились на воинов-палачей.

Вверху, на галерее, еще оставалось несколько детей, которых не схватили при первом натиске. Солдаты погнались за ними, а матери бросались на колени перед извергами и голыми руками ловили их обнаженные мечи, чтоб отвратить смертельный удар. Некоторые женщины, дети которых были уже бездыханны, бросались на воинов, хватали их за горло и пытались задушить их, чтобы отомстить за своих малюток.

Среди этого дикого смятения и жесточайшего кровопролития солдат державший обыкновенно караул у городских ворот стоял совершенно неподвижно у начала лестницы, ведущей вниз с галереи. Он не принимал участия в нападении и в убийствах; он поднимал свой меч только на тех женщин, которые, прижав к себе уцелевших детей, пытались спастись бегством, – и один его вид, мрачный и непреклонный, вселял в них такой страх, что они кидались вниз через перила или поворачивали назад. «Вольтигий был прав, назначив меня на этот пост, – думал солдат. – Какой-нибудь молодой, легкомысленный воин покинул бы

свое место и вмешался бы в общую свалку. Поддайся я соблазну и уйди отсюда, по меньшей мере дюжина детей ускользнула бы от расправы».

Вдруг его внимание привлекла молодая женщина, которая, прижав к себе своего ребенка, стремительно приближалась к нему.

Ни один из легионеров, которых она миновала, не успел ее остановить, занятый другими жертвами, и таким образом ей удалось добежать до самого конца галереи.

«Одна все-таки чуть было не спаслась! – подумал воин. – Ни она, ни ребенок пока не ранены. И если бы не я...»

Женщина так быстро бежала навстречу солдату, что казалось, будто она летит на крыльях, и он не успел разглядеть ни ее лица, ни ребенка. Он только направил на них свой меч, и с ребенком на руках она устремилась прямо на него. Воин ожидал, что в следующий же миг и она, и ее дитя, насквозь пронзенные, упадут на землю.

Но в эту минуту он вдруг услышал над своей головой злобное жужжание и тотчас же почувствовал сильную боль в глазу. Эта боль была такой нестерпимой, что совершенно ошеломила его, и меч выпал из его рук.

Он схватился рукой за глаз, поймал пчелу и понял, что это она причинила ему столь ужасное страдание. Мгновенно нагнулся за мечом, надеясь, что еще сможет остановить беглецов.

Но маленькая пчелка прекрасно сделала свое дело. За несколько коротких мгновений молодая мать сбежала по лестнице, и, хотя он бросился вдогонку, ему не удалось схватить ее. Она исчезла.

* * *

На следующее утро все тот же воин стоял на карауле у самых городских ворот. Было еще рано, и тяжелые ворота только что открыли. Но казалось, никто не ожидал, что ворота откроют в это утро, – все жители Вифлеема словно оцепенели от ужаса после ночной кровавой бойни, и никто не решался выйти из дому.

– Клянусь своим мечом! – сказал солдат, пристально вглядываясь в узкую улочку, ведущую к воротам. – Вольтигий распорядился неразумно. Лучше было бы оставить ворота на запоре и обыскать все дома в городе, пока не был бы найден мальчик, которому удалось ускользнуть живым с праздника. Вольтигий думает, что родители постараются увезти его из города, как только узнают, что ворота открыты, и он надеется перехватить их здесь. Но боюсь, что это неверный расчет. Ведь ребенка можно легко спрятать!»

И он старался угадать, попытаются ли родители спрятать ребенка в корзине с фруктами или в каком-нибудь громадном кувшине для масла или провезут его в караване среди тюков.

Обдумывая, как его попытаются перехитрить, воин вдруг увидел мужчину и женщину, торопливо приближающихся к воротам. Остерегаясь опасности, они боязливо озирались по сторонам. Мужчина нес в руках топор и держал его так крепко, точно решил с его помощью проложить себе путь, если кто-нибудь вздумает остановить его.

Но внимание воина привлекла женщина. Ее высокая фигура напомнила ему молодую мать, ускользнувшую от него накануне. Он заметил также, что она перекинула через плечо край своей накидки. Быть может, она сделала это, чтобы скрыть под одеждой своего ребенка?

Чем ближе они подходили, тем отчетливей становился виден ребенок, которого женщина несла под одеждой. «Я уверен, что это именно она спаслась вчера, сбежав по лестнице, – думал солдат. – Я не видел ее лица, но я узнаю ее высокую фигуру. И вот она идет с ребенком на руках, даже не пытаясь как следует его спрятать. Я даже не смел надеяться на такой счастливый случай!»

Мужчина и женщина уже подошли к воротам. Они, очевидно, не ожидали, что их здесь остановят, и вздрогнули от испуга, когда воин заградил им путь своим копьем.

– Почему ты не даешь нам выйти на работу в поле? – спросил мужчина.

– Сейчас пройдешь, – сказал солдат, – но сначала я проверю, что прячет твоя жена под своим покрывалом.

– Чего же тут смотреть? – возразил мужчина. – Это всего лишь хлеб и вино нам на пропитание.

– Может быть, ты и правду говоришь, – сказал солдат. – Но почему же твоя жена отворачивается и не хочет показать их мне?

– Я не хочу, чтобы ты нас обыскивал, – сказал мужчина. – И советую тебе нас пропустить.

С этими словами он занес над головой свой топор, но женщина тронула его за руку.

– Успокойся! – взмолилась она. – Я покажу ему свою ношу и уверена, что он не причинит нам никакого зла.

И с гордой и доверчивой улыбкой женщина обернулась к солдату и отвернула край своей одежды.

* * *

Несколько дней спустя воин медленно ехал ужасной каменистой пустыней, расположенной в южной части Иудеи. Он все еще продолжал преследовать трех вифлеемских беглецов и был вне себя оттого, что его поймают, похоже, не видно конца.

– Да они как сквозь землю провалились, – ворчал он про себя. – Сколько раз я уже был так близко от них, что готовился бросить в ребенка камнем, и они снова от меня ускользали! Я начинаю думать, что мне никогда не удастся их нагнать.

И легионер стал уже терять мужество, как человек, который борется с чем-то, что выше его сил. Ему начинало казаться, что сами боги защищали от него этих людей.

«Все это напрасный труд. Лучше бы мне вернуться, пока я еще не погиб от голода и жажды в этой дикой стране!» – все чаще говорил он себе.

Но и возвращение не сулило ему ничего хорошего. Ведь он уже два раза упустил младенца. А этого царь Ирод ему не простит.

«Пока Ирод знает, что один из вифлеемских младенцев еще жив, ему не будет покоя, – говорил себе воин. – Всего вероятней, что он попытается облегчить свои мучения тем, что прикажет распять меня на кресте».

Был знойный полдень, и воин ужасно страдал, пробираясь верхом по пустынной, гористой местности, где дорога извивалась в глубоком ущелье, куда не долетало ни малейшего ветерка. И конь, и всадник были готовы упасть без сил.

Воин давно уже потерял всякий след беглецов и совсем пал духом.

Но вдруг он заметил в одной из скал, возвышавшихся близ дороги, сводчатый вход в пещеру. Он остановил коня и подумал: «Отдохну здесь немного. Может быть, с новыми силами я смогу продолжить погоню».

Когда он уже хотел войти в пещеру, его поразило нечто удивительное. По обеим сторонам входа росли два прекрасных куста лилий. Они стояли, высокие и стройные, густо усыпанные цветами, испускавшими сладкий запах меда, и множество пчел носилось и жужжало вокруг них.

Это было такое необыкновенное зрелище, что воин неожиданно для самого себя сорвал один из крупных белых цветков и взял его с собой в пещеру.

Пещера была не глубока и не темна, и, как только он вошел под ее свод, он увидел, что там уже находятся трое путников. Это были мужчина, женщина и ребенок, которые лежали на земле, погружившись в глубокий сон.

Сердце воина забило как никогда сильно при этом зрелище. Это были именно те беглецы, которых он так долго преследовал. Он тотчас же узнал их. И вот они лежали и спали, совершенно беззащитные, находясь всецело в его власти.

Быстро выхватил солдат меч из ножен и нагнулся над спящим младенцем.

Осторожно направил он меч в сердечко ребенка, намереваясь покончить с ним одним ударом.

Уже готовясь заколоть его, он остановился на миг, чтобы взглянуть в лицо младенцу. Теперь, когда он был уверен в победе, он захотел доставить себе жестокое наслаждение и посмотреть на свою жертву. Радость его еще усилилась, когда он узнал в ребенке крошечного мальчика, игравшего на его глазах с пчелами и лилиями на лугу у городских ворот.

«Недаром я всегда ненавидел его, – подумал солдат. – Ведь это князь мира, появление которого предвещали пророки».

Снова опустил он меч, и у него мелькнула мысль: «Когда я положу пред Иродом голову этого ребенка, он сделает меня начальником своих телохранителей».

Все более приближая острие меча к спящему младенцу, он ликовал в душе, говоря себе: «На этот раз никто мне не помешает, никто не вырвет его из моей власти».

Но солдат все еще держал в руке лилию, сорванную им при входе в пещеру, и вдруг из ее венчика вылетела пчела и стала с жужжанием кружиться над его головой.

Воин вздрогнул. Он вспомнил пчел, которых маленький мальчик относил в их родной улей, и ему пришло в голову, что одна из этих пчел помогла мальчику спастись на празднике, устроенном Иродом.

Эта мысль поразила его. Он опустил меч, выпрямился и стоял, прислушиваясь к пчеле.

Ее жужжание наконец прекратилось. Солдат продолжал стоять неподвижно и все сильнее ощущал сладкий аромат, струившийся из лилии, которую он держал в руке.

Этот аромат напомнил ему о цветах, которые мальчик спасал от дождя, и о том, что букет лилий скрыл от его взоров ребенка и дал ему спастись через городские ворота.

Он все больше задумывался и отвел в сторону свой меч.

– Пчелы и лилии отблагодарили мальчика за его благодеяния, – шепнул он сам себе.

Он припомнил, что и ему однажды помог этот ребенок, и густая краска стыда залила его лицо.

– Может ли римский легионер забыть об оказанной ему услуге? – прошептал он.

Некоторое время он еще боролся с собой. Он думал об Ироде и о собственном своем желании уничтожить юного владыку мира.

«Мне не следует убивать этого младенца, спасшего мне жизнь», – решил он наконец.

И он нагнулся и положил свой меч возле ребенка, для того чтобы при пробуждении беглецы поняли, какой опасности им удалось избежать.

В это время ребенок проснулся. Он лежал и смотрел на солдата своими прекрасными глазами, сиявшими, как звезды.

И воин преклонил перед ним колени.

– Владыка! – произнес он. – Ты всемогущ. Ты могучий победитель. Ты любимец богов. Ты тот, кто может спокойно попирает змей и скорпионов.

Он поцеловал его ножку и тихо вышел из пещеры.

Мальчик же лежал и смотрел ему вслед большими удивленными глазами.

Бегство в Египет

Далеко, далеко, в одной из восточных пустынь, росла много лет тому назад очень старая и невероятно высокая пальма. Все, проходившие через пустыню, невольно останавливались и любовались ею, ибо она была гораздо выше и мощнее всех других пальм, и можно было сказать, что она превосходит своими размерами обелиски и пирамиды.

И вот однажды, когда эта высокая пальма стояла в своем уединении и созерцала пустыню, она увидела нечто до того удивительное, что могучая, увенчанная листьями верхушка ее закачалась от изумления. Вдали, по краю пустыни, шли два одиноких путника. Они находились еще на таком расстоянии, откуда верблюды кажутся маленькими, как муравьи, но совершенно несомненно было, что это два человека. Два чуждых пришельца в пустыне – пальма хорошо знала постоянных путников пустыни – мужчина и женщина без проводника, без выючных животных, без шатра и мехов для воды.

– Наверное, – сказала пальма сама себе, – эти двое пришли сюда, чтоб умереть.

Она быстро осмотрелась кругом.

– Удивляюсь, сказала она, – что львы еще не вышли на охоту за этой добычей. Насколько я вижу, ни один из них даже и не шевельнулся. Не вижу я и разбойников. Но они еще явятся.

«Семь раз должны они умереть, – думала пальма. – Их сожрут львы, змеи умертвят их своими укусами, жажда иссушит их, пески погребут их под собой, их убьют разбойники, спалит солнечный зной, страх уничтожит их».

И она попыталась думать о чем-нибудь другом. Участь этих людей возбудила в ней грусть.

Но на всем пространстве пустыни, расстилавшейся под пальмой, не было ничего, что не было бы ей знакомо уже тысячи лет. Ничто не могло приковать к себе ее внимания. Поневолле ее мысли снова вернулись к двум путникам.

– Клянусь засухой и бурей! – сказала пальма, призывая в свидетели самых опасных врагов жизни. – Женщина что-то несет на руках. Никак эти безумцы захватили с собой еще маленького ребенка!

Пальма, дальнзоркая, как большинство стариков, не ошиблась. Женщина несла на руках ребенка, который спал, прислонившись к ее плечу.

– Ребенок почти голенький! – сказала пальма. – Я вижу, что мать прикрыла его полой своей одежды. Она схватила его, в чем он был, с постельки и стремительно бежала с ним. Теперь я понимаю: эти люди – беглецы. Но все-таки они безумцы, – продолжала пальма. – Если только их не охраняют ангелы, им лучше было бы отдаться на произвол своих врагов, чем отправиться в пустыню.

Могу представить себе, как все это произошло. Отец стоял за работой, ребенок спал в колыбели, мать пошла за водой. Едва успела она отойти на несколько шагов от двери, как увидела приближающихся врагов. Она бросилась назад, схватила ребенка, крикнула мужу, чтобы он следовал за ней, и они побежали. И вот их бегство продолжается уже несколько дней; они, наверное, не отдыхали ни минуты. Да, именно так все это было; но я все-таки скажу, что если их не охраняют ангелы...

Они так испуганы, что пока еще не чувствуют ни усталости и никаких других страданий; но я вижу, как жажда горит в их глазах. Мне ли не знать лица человека, страдающего от жажды!

И когда пальма подумала о жажде, судорожная дрожь пробежала по длинному стволу, и бесчисленные перья ее длинных листьев съежились, как от огня.

– Если б я была человеком, – сказала она себе, – никогда бы я не отважилась выйти в пустыню. Большая нужна смелость для путешествия по ней, если не имеешь корней, достигающих до никогда не иссякающих родников. Здесь даже для пальмы опасно. Даже для такой пальмы, как я.

Если бы я могла дать им совет, я бы уговорила их вернуться. Никакие враги не могут быть так жестоки к ним, как пустыня. Может быть, они думают, что в пустыне легко живется, но я-то знаю, что мне самой порой приходится трудно. Помню, однажды, в моей молодости, ураган нанес на меня целую гору песка. Я едва не задохнулась. Если б я могла умереть, это был бы мой последний час.

Пальма продолжала думать вслух по привычке одиноких стариков.

– Какой-то дивный мелодический шелест слышу я в своих ветвях, – говорила она. – Все перья моих листьев трепещут. Не знаю, что со мной делается при виде этих бедных чужеземцев. Но эта печальная женщина так прекрасна. Она приводит мне на память самое чудесное из всего, пережитого мной.

И под мелодичный шелест своих листьев пальма стала вспоминать, как однажды, много-много лет назад, оазис посетили двое прекрасных путников. Это царица Савская явилась сюда в сопровождении мудрого Соломона. Прекрасная царица возвращалась в свою страну, царь проводил ее часть пути, и теперь они должны были расстаться.

– На память об этой минуте, – сказала тогда царица, – я посажу в землю финиковую косточку. Я хочу, чтоб из нее выросла пальма, которая будет подниматься все выше и жить, пока в Иудейской стране не появится царь еще более великий, чем Соломон. – И, сказав это, она посадила косточку и полила ее своими слезами.

– Почему я вспоминаю об этом как раз сегодня? – вздохнула пальма. – Неужели эта женщина своей красотой напоминает мне прекраснейшую из цариц, по слову которой я выросла и жила до нынешнего дня? Я слышу, что листья мои шелестят все сильнее и сильнее, и шелест их звучит печально, как погребальная песнь. Они словно предсказывают, что кто-то вскоре должен уйти из жизни. Хорошо, что это относится не ко мне, ведь я не могу умереть.

Пальма решила, что печальный шелест ее листьев предсказывает гибель этих одиноких странников.

Они и сами, вероятно, думали, что близится их последний час. Это видно было по выражению их лиц, когда они проходили мимо одного из верблюжьих скелетов, лежавших около дороги, по взглядам, которым они провожали двух коршунов, пролетавших мимо.

Иначе и быть не могло. Они должны погибнуть.

Путники заметили пальму и оазис и поспешили туда, надеясь найти воду. Но когда они подошли, отчаяние овладело ими, ибо родник совершенно высох. Женщина в изнеможении опустила ребенка на землю и села, плача, на берегу родника. Мужчина бросился на песок возле нее; он лежал и колотил сухую землю кулаками. Пальма слышала, как они говорили между собой о том, что должны погибнуть.

Она узнала также из их слов, что царь Ирод повелел умертвить всех вифлеемских мальчиков в возрасте от двух до трех лет, боясь, что среди них находится царь Иудейский, появление которого предсказали пророки.

– Все сильнее шелестят мои листья, – сказала пальма. – Эти бедные беглецы скоро встретят свой последний час.

Она понимала, что они оба боятся пустыни. Мужчина говорил, что лучше бы им было остаться и вступить с воинами в бой, чем бежать сюда. Он говорил, что тогда они нашли бы себе более легкую смерть.

– Бог придет нам на помощь, – сказала женщина.

– Мы здесь одни среди хищных зверей и змей, – возразил мужчина. – У нас нет пищи и нет воды. Как может Бог помочь?

Он в отчаянии рвал свою одежду и прижимался лицом к земле. Он потерял всякую надежду, как человек, смертельно раненный в сердце.

Женщина сидела, выпрямившись и охватив руками колени. Но взгляды, которые она кидала в глубь пустыни, говорили о безутешном, безграничном отчаянии.

Пальма слышала, как печальный шелест ее листьев становился все сильнее и сильнее. Вероятно, и женщина услышала его, потому что подняла голову. И в этот же миг она невольно протянула руки вверх.

– О, финики, финики! – воскликнула она.

Такая страстная надежда почувствовалась в ее голосе, что старая пальма готова была пожалеть, что она ростом не с небольшой куст и что ее финики не так же легко сорвать, как ягоды терновника. Она прекрасно знала, что ее верхушка вся увешана гроздьями фиников, но как достать их людям на такой головокружительной высоте.

Мужчина еще раньше видел, как высоко висели финики. Он даже головы не поднял, а только попросил жену не мечтать о невозможном.

Но ребенок, предоставленный самому себе и игравший поодаль палочками и соломинками, услышал восклицание матери.

Ему, конечно, и в голову не приходило, что его мать не может получить всего, что ей только вздумается пожелать. Как только заговорили о финиках, он начал пристально смотреть на дерево.

Он ломал себе головку над тем, как бы ему достать финики. Лобик его наморщился под светлыми кудрями. Наконец улыбка мелькнула на его личике. Мальчик придумал способ.

Он подошел к пальме и стал гладить ее своей ручкой, говоря нежным детским голоском:

– Пальма, нагнись! Пальма, нагнись! Но что это такое, что случилось? Листья пальмы зашумели, словно по ним пронесся ураган, и дрожь пробежала по ее длинному стволу. Пальма почувствовала, что ребенок сильнее ее. Она не могла ему противостоять.

И она склонилась своим высоким стволом перед младенцем, как склоняются люди перед царями. Могучей дугой нагнулась она к земле и, наконец, опустилась так низко, что верхушка ее с дрожащими листьями легла на песок пустыни.

Мальчик не выказал ни испуга, ни изумления; с радостным криком подбежал он ближе и стал срывать финики с верхушки старой пальмы.

Он нарвал много фиников, а дерево все еще продолжало лежать на земле, тогда мальчик снова подошел, снова ласково погладил его и нежно сказал:

– Пальма, поднимись! Поднимись, пальма!

И громадное дерево тихо и благоговейно выпрямило свой гибкий ствол, и листья его зазвенели, точно арфы.

– Теперь я знаю, кому они играли погребальную песню, – сказала сама себе старая пальма, когда выпрямилась во весь рост. – Не этим людям они ее играли.

Но мужчина и женщина стояли на коленях и возносили хвалу Богу.

– Ты видел наше горе и избавил нас от него. Ты – Господь всемогущий, сгибающий ствол пальмы, как тростник! Кого из наших врагов нам страшиться, когда сила Твоя осеняет нас?

Вскоре после этого проезжал по пустыне караван, и путники увидели, что увенчанная листьями верхушка высокой пальмы высохла.

– Как могло это случиться? – сказал один из путешественников. – Ведь эта пальма не должна была умереть, пока не увидит царя, более великого, чем Соломон.

– Может быть, она и видела его, – ответил другой путник.

В Назарете

Как-то раз, когда Иисусу было всего пять лет, он сидел на крылечке мастерской своего отца в Назарете и из комка мягкой глины, которую дал ему гончар, живший на другой стороне улицы, лепил птиц. Он был очень счастлив: все дети в округе говорили ему, что гончар – человек суровый, что его нельзя тронуть ни нежными взглядами, ни сладкими речами, поэтому он никогда не решался просить у него чего-нибудь. Но вот – Иисус сам не знал, как это случилось, – Он только стоял на ступеньках своего крыльца и внимательно смотрел на работавшего соседа, – и гончар вышел вдруг из своей мастерской и дал ему огромный кусок глины.

На приступочке соседнего дома сидел Иуда, рыжий и безобразный мальчик с лицом в синяках. Его одежда висела ключьями из-за постоянных драк с уличными мальчишками. В эту минуту он сидел совсем спокойно и никого не задирал, а так же, как Иисус, работал над кусочком глины. Эту глину он не сам достал: он и на глаза не посмел бы показаться гончару, потому что частенько бросал камнями в его хрупкий товар. Если бы Иуда попросил у гончара глины, тот прогнал бы его от себя палкой. Это Иисус поделился с ним своим запасом.

Дети лепили своих птичек и ставили их перед собой в кружок. Птички имели обычный вид: вместо ног – большой, круглый комочек, коротенькие хвостики, полное отсутствие шейки и едва заметные крылышки.

Но все-таки работа двух друзей очень отличалась. Птицы Иуды были так плохо сделаны, что не могли стоять и беспрестанно опрокидывались, и, как он ни старался, его маленькие, жесткие пальчики не могли сделать их чистенькими и красивыми. По временам он посматривал украдкой на Иисуса, чтобы понять, как тому удастся сделать своих птичек таким гладкими и ровными, как дубовые листья в лесах Фавора.

Каждый раз, как Иисус заканчивал еще одну птичку, он чувствовал себя все счастливее и счастливее. Каждая новая птичка казалась ему прекрасней других, и он оглядывал их с гордостью и любовью. Они будут товарищами его игр, его маленькими братьями и сестрами, будут спать в его постельке, проводить с ним время, петь ему песенки, когда мать будет уходить из дому.

Никогда уже теперь он не будет чувствовать себя одиноким.

Мимо мальчиков прошел рослый водонос, сгибаясь под тяжелым мехом, и следом за ним проехал верхом на осле торговец зеленью, окруженный пустыми корзинами. Водонос положил руку на светлокудрую головку Иисуса и стал его расспрашивать об его птичках.

И Иисус рассказал ему, что у каждой из них есть свое имя и что они умеют петь.

Все его птички прилетели к нему из чужих стран и рассказывают ему вещи, о которых знают только они да он. И так интересно говорил Иисус, что и водонос, и зеленщик забыли о своих делах и долго слушали его, не двигаясь с места.

Когда они наконец собрались уходить, Иисус показал на Иуду.

– Посмотрите, каких хорошеньких птичек сделал Иуда! – сказал он.

Тогда зеленщик придержал своего осла и добродушно спросил Иуду, есть ли у каждой из его птичек свое имя и умеют ли они петь. Но Иуда упрямо молчал, не отрывая глаз от работы, и зеленщик сердито отбросил ногой одну из его птичек и поехал дальше.

Так прошел день. Солнце так низко опустилось, что его лучи проходили теперь сквозь украшенные римским орлом низкие городские ворота в конце улицы. Кроваво-красные лучи заходящего солнца, скользя по узкой улице, окрашивали в яркий пурпур все вокруг. Посуда горшечника, доска, скрипевшая под пилою плотника, и белое покрывало, обрамлявшее лицо Марии, – все стало огненно-багровым.

Но всего прекрасней сверкали лучи солнца в двух маленьких лужицах между большими, неровными каменными плитами мостовой.

И вдруг Иисус окунул ручку в ту лужицу, которая была к нему ближе. Ему пришла мысль окрасить своих серых птичек этим ярким, солнечным сиянием, придававшим такой красивый цвет воде, стенам домов – всему, что его окружало.

Солнечные лучи радостно дали себя поймать, и, когда Иисус провел рукой по маленьким глиняным птичкам, они покрыли их алмазным блеском.

Иуда время от времени поглядывал на Иисуса, чтобы посмотреть, много ли еще он сделал птичек и красивее ли они, чем у него. Он вскрикнул от восхищения, когда увидел, как Иисус раскрашивает своих глиняных птиц солнечным светом, играющим в лужицах на мостовой. Иуда тоже окунул руку в светящуюся воду и тоже хотел поймать солнечный луч.

Но луч не дался ему. Он ускользал из его пальцев. И как ни старался Иуда, лучи убегали от него, и ни одной капли краски не мог достать мальчик для своих птичек.

– Пстой, Иуда! – сказал Иисус, – я сейчас помогу раскрасить твоих птичек.

– Нет! – сказал Иуда. – Не трогай их! Они хороши и так. – Он встал, закусив губы и нахмурив лоб. И вдруг он стал с яростью топтать своих птичек и одну за другой превратил их в маленькие комки глины.

Уничтожив всех своих птиц, Иуда подошел к Иисусу, который сидел, лаская своих птичек, сверкавших, как драгоценные камни. С минуту рассматривал их Иуда, потом поднял ногу и раздавил одну из них.

Когда он увидел, что маленькая птичка превратилась в комок глины, его охватила радость, он начал хохотать и снова поднял ногу, чтоб раздавить еще одну.

– Иуда, – воскликнул Иисус, – что ты делаешь? Ты разве не знаешь, что эти птички живые и что они поют?

Но Иуда продолжал хохотать и топтать его птичек. У Иисуса не хватило бы сил удерживать его. Он стал искать глазами мать. Она была недалеко, но, прежде чем она могла подойти, Иуда успел бы уничтожить всех его птиц. Слезы выступили на глазах Иисуса. Иуда уже растоптал четырех его птичек. Оставалось только три!

Иисусу было горько, что птицы лежали так и не пытались спастись.

Он захлопал в ладоши, чтобы спугнуть их, и крикнул:

– Улетайте! Улетайте!

И три оставшиеся птички замахали своими маленькими крылышками и, робко вспорхнув, взлетели на край крыши, где были уже в безопасности.

Когда Иуда увидел, что птички по приказу Иисуса расправили крылья и полетели, он зарыдал. Он рвал на себе волосы, как старые люди, которых ему приходилось видеть в великом горе и сокрушении, и бросился к ногам Иисуса.

Он валялся в пыли пред Иисусом, целовал его ножки и просил, чтоб Иисус растоптал его, как он, Иуда, растоптал его глиняных птичек.

Ибо Иуда любил Иисуса, восхищался им, боготворил и ненавидел его в одно и то же время.

Но Мария, все время следившая за игрой детей, встала, подняла Иуду с земли, посадила к себе на колени и приласкала его.

– Бедный ребенок! – сказала она ему. – Ты не понимаешь, что дерзнул на то, на что не может дерзнуть ни одно из живых существ. Никогда больше не делай этого, если не хочешь стать несчастнейшим из людей! Горе человеку, который хотел бы сравняться с тем, кому солнечный свет служит красками и кто может в мертвую глину вдохнуть дыхание жизни.

В храме

Одна бедная семья — муж, жена и их маленький сын — осматривала однажды великий Иерусалимский храм. Ребенок был необыкновенно красив. Его волосы вились мягкими кудрями, а глаза сияли, как звезды.

Мальчика не брали в храм, пока он недостаточно подрос. Теперь же родители водили его по храму и показывали ему все его чудеса. Там были длинные ряды колонн и золотые алтари, святые отцы сидели здесь в окружении своих учеников. Можно было видеть здесь и первосвященника с нагрудником из драгоценных камней. Восхищение вызывали занавес из Вавилона, весь затканый золотыми розами, и огромные медные ворота, которые тридцать человек с трудом могли отворить и затворить. Но мальчика, которому было только двенадцать лет, не особенно занимала вся эта роскошь, хотя мать и объясняла ему, что они с отцом показывают ему самые великие достопримечательности в мире. Она говорила, что не скоро придется ему увидеть что-нибудь подобное. В бедном Назарете, где они жили, кроме пыльных улиц, не на что было смотреть.

Но мальчик, казалось, не очень этому верил. Похоже, он охотно убежал бы из великолепного храма, если бы мог вернуться на узкие улицы Назарета к своим играм.

Но вот что удивительно: чем более равнодушным выглядел сын, тем довольнее и веселее становились родители. Они радостно переглядывались у него за спиной, и их лица светились счастьем.

Наконец мальчик так устал, что мать сжалась над ним.

— Мы слишком долго ходили с тобой, — сказала она. — Отдохни немного!

Она села у одной из колонн храма и предложила сыну лечь на пол и положить голову к ней на колени. Он прилег и тотчас же задремал.

Увидев, что ребенок спит, жена сказала мужу:

— Никогда я ничего так не боялась, как той минуты, когда он войдет сюда, в Иерусалимский храм. Я думала, что, увидев Дом Господень, он пожелает остаться здесь навсегда.

— Я тоже боялся этого путешествия, — сказал муж. — При его рождении было много чудесных знамений, указывавших на то, что ему суждено стать могучим владыкой. Но что принесло бы ему царство, кроме опасностей и забот? Я всегда говорил, что для всех нас будет лучше, если он останется простым плотником в Назарете.

— С тех пор как ему пошел пятый год, — задумчиво сказала мать, — с ним не случилось никаких чудес. И сам он ничего не помнит из того, что происходило с ним в младенчестве. Теперь он совсем обычный ребенок, как и другие дети. Да будет на все воля Божия, но я почти уверовала, что Господь по Своей милости изберет кого-нибудь другого для великих деяний и оставит мне моего сына.

— Что касается меня, — сказал муж, — то я уверен: если он ничего не узнает о всех этих знамениях и чудесах, то все пойдет хорошо.

— Я никогда не заговариваю с ним о тех чудесных вещах, — вздохнула жена. — Но я все время боюсь, что еще случится такое, что заставит его понять, кто он. Больше всего боялась я вести его в этот храм.

— Теперь ты можешь радоваться, опасность миновала, — успокоил ее муж. — Скоро мы все опять будем в Назарете.

— Я боялась и мудрецов в храме, — призналась женщина, — и пророков, сидящих здесь на своих циновках. Я думала, что, когда он предстанет пред ними, они все преклонятся пред ним и будут приветствовать его как царя Иудейского. Странно, что они не замечают его дивной красоты. Никто из них никогда не видел такого ребенка.

Она помолчала, любуясь сыном.

– Одного я не понимаю, – снова заговорила она. – Я думала, что, когда он увидит этих судей, восседающих в святом доме и разбирающих распри людские, этих учителей, беседующих со своими учениками, и этих священников, служащих Господу, он очнется и воскликнет: «Я рожден, чтобы жить здесь, среди этих судей, этих учителей, этих священнослужителей!»

– Разве это такое уж счастье – сидеть под этими колоннами? – возразил муж. – Уж гораздо лучше бродить по холмам и горам вокруг Назарета.

Мать тихо вздохнула.

– Он так счастлив дома! – сказала она. – Как он любит пасти овец на далеких пастбищах или бродить среди крестьян в поле! Не могу я поверить, что мы нехорошо поступаем, стараясь удержать его возле себя!

– Мы только избавляем его от величайших страданий, – сказал муж.

Они продолжали тихо беседовать, пока мальчик не проснулся.

– Ну, что? – спросила мать. – Ты отдохнул? Тогда вставай, скоро вечер, и мы должны успеть вернуться к своим шатрам.

Пробираясь к выходу, им пришлось проходить через древнюю пещеру, сохранившуюся со времени первой постройки храма. Здесь, прислоненная к стене, стояла старинная медная труба, такая громадная и тяжелая, что никто не мог поднять и затрубить в нее. Погнутая, ржавая, она покрылась пылью и паутиной, сквозь которые едва читались древние письмена. Наверное, целое тысячелетие никто уж не пытался извлечь из нее ни одного звука.

Мальчик увидел громадную трубу и остановился в изумлении.

– Что это такое? – спросил он.

– Эта большая труба зовется Голосом Властителя Мира, – ответила ему мать. – Ею сзывал Моисей детей Израиля, когда они рассеялись по пустыне. После него никто не мог исторгнуть из нее ни единого звука. Но тот, кто сумеет это сделать, соберет под свое владычество все народы земли.

Мать улыбнулась своему рассказу, так как думала, что это всего лишь легенда, но мальчик стоял возле большой трубы как зачарованный. Из всего, что он видел до сих пор в храме, только эта труба произвела на него впечатление. Он хотел бы задержаться здесь подольше, чтобы хорошенько рассмотреть ее, но пора было возвращаться.

Вот они вышли на большой, широкий двор. Здесь, в толще холма, на котором стоял храм, была широкая, бездонная расщелина, образовавшаяся с незапамятных времен. Эту расщелину и царь Соломон, когда он строил храм, не пожелал засыпать. Он не перекинул через нее моста, не возвел вокруг нее ограждения. Вместо этого он протянул над расщелиной остро отточенный стальной клинок в несколько локтей длины лезвием вверх. И вот уже много веков прошло, а клинок все еще висел над пропастью. Теперь он совсем почти проржавел, его концы едва держались на противоположных сторонах расщелины, он дрожал и качался, когда кто-нибудь тяжелой поступью проходил через двор храма.

Когда мать с сыном обходили эту расщелину, мальчик спросил ее:

– Что это за мост?

– Он положен здесь царем Соломоном, – ответила мать, – и зовется Райским Мостом. Если кто-нибудь перейдет через расщелину по этому дрожащему клинку, острие которого тоньше солнечного луча, тот может быть уверен, что попадет в рай.

И она снова улыбнулась и поспешила дальше, но отрок остановился и продолжал рассматривать тонкий, дрожащий стальной клинок, пока мать не позвала его.

Тогда он со вздохом повиновался ей, сожалея о том, что она не показала ему раньше этих чудесных вещей, чтобы он мог рассмотреть их получше.

Они пошли дальше, не останавливаясь, и скоро достигли большого входного портика³ с колоннами, стоявшими по пять в ряд. В углу стояли две колонны черного мрамора, воздвигнутые на одном и том же пьедестале так близко одна к другой, что между ними едва можно было просунуть соломинку. Колонны были высокие и величественные, их капители были богато украшены изображениями голов невиданных животных. Но сверху донизу эти прекрасные колонны были покрыты царапинами и изуродованы рубцами. Время не пощадило их. Даже каменные плиты пола вокруг колонн были совершенно стерты, и на них виднелись углубления – следы множества ног, прошедших здесь.

Мальчик снова остановил мать и спросил ее:

– Что это за колонны?

– Эти колонны наш праотец Авраам привез в Палестину из далекой Халдеи и назвал их Вратами Праведности. Между ними может пройти лишь тот, кто праведен перед Богом и никогда не совершал греха.

Ребенок остановился и стал смотреть на колонны широко раскрытыми глазами.

– Уж не хочешь ли ты попытаться пройти через эти врата? – сказала мать и засмеялась. – Ты видишь, как стерт здесь пол множеством людей, пытавшихся проникнуть в эту узкую щель? Но поверь мне, это еще никому не удалось. Идем скорей! Я слышу гул медных ворот. Тридцать служителей храма закрывают их, упираясь плечами в тяжелые створы.

Всю ночь мальчик пролежал без сна в своем шатре. Перед его глазами стояли Врата Праведности, Райский Мост и Голос Властителя Мира. Никогда не приходилось ему раньше слышать о таких чудесных вещах. Они не выходили у него из головы.

На следующее утро он тоже не мог думать ни о чем другом. В это утро они собирались домой. У родителей было много дел. Они разбирали и укладывали вещи и должны были погрузить их на большого верблюда. Ехать нужно было вместе с многочисленными родственниками и соседями, и из-за того, что столько народа сразу отправлялось в путь, сборы, конечно, шли очень медленно.

Мальчик, чтобы не мешать взрослым, сидел в стороне от общей возни и суеты и думал о трех чудесных вещах.

Вдруг ему пришло в голову, что он успеет сходить в храм и взглянуть на них еще раз. Сборы в дорогу пока не были окончены. Он успеет вернуться до отъезда.

И он побежал, не сказав никому о том, что он задумал. Ему казалось, что говорить об этом не нужно. Ведь он скоро вернется обратно!

Вскоре он уже входил в портик храма, где стояли черные колонны-близнецы.

Как только он их увидел, глаза его засияли от радости. Он опустился возле колонн на пол и стал их разглядывать.

Он думал о том, что пройти между этими двумя колоннами мог только тот, кто праведен перед Богом и никогда не совершал греха. И ему казалось, что никогда он не видел ничего столь чудесного.

Мальчик думал, какое счастье было бы пройти между этими колоннами, но они стояли так близко одна к другой, что напрасно было и пытаться. Долго сидел он неподвижно перед колоннами, не замечая времени. Ему казалось, что он пробыл здесь всего лишь несколько коротких мгновений.

Но случилось так, что в великолепном портике, где сидел мальчик, собрались судьи Верховного совета, чтобы разобрать накопившиеся тяжбы. Весь портик был полон людей. Одни жаловались на то, что у них передвинули в поле межевые камни, другие на то, что их

³ Порттик – перекрытие, поддерживаемое колоннадой или аркадой, образующее выступающую часть здания; часто охраняет главный вход.

овец увели из стада и поместили новым тавром, третьи жаловались на должников, которые не хотели платить долгов.

В числе других был богатый человек в длинной пурпурной одежде; он привлекал к суду бедную вдову, которая будто бы была должна ему несколько сиклей серебра. Бедная вдова плакала и говорила, что богач несправедливо обвиняет ее. Она уже заплатила ему однажды свой долг; теперь он хочет заставить ее уплатить его вторично, но она не в состоянии этого сделать. Она так бедна, что, если судьи приговорят ее к уплате этих денег, ей придется отдать в рабыни богачу свою дочь.

Главный судья обратился к богачу и спросил его:

– Решишься ли ты поклясться в том, что эта бедная женщина не уплатила тебе своего долга?

Богач с улыбкой ответил:

– Господин, я богатый человек. Зачем бы я стал утруждать себя и требовать денег у этой бедной вдовы, если бы я не имел на это права? Клянусь тебе, эта женщина не вернула мне долга. Это так же несомненно, как то, что никто никогда не пройдет Вратами Праведности.

Когда судьи услышали эту клятву, они поверили словам богача и решили, что бедная вдова должна в уплату долга отдать ему в рабыни свою дочь.

Мальчик сидел совсем близко и слышал все. Он думал про себя: «Как было бы хорошо, если бы кто-нибудь смог пройти через Врата Праведности и доказать, что этот богач сказал неправду. Мне так жаль эту старую женщину, которой придется отдать в рабыни свою дочь!»

Он подскочил к подножию колонн и заглянул в просвет между ними.

«Ах, если б это было возможно!» – подумал он.

Думая о том, как бы проникнуть в эту едва видимую щель, мальчик и не помышлял о своей праведности или грешности, он только хотел помочь бедной женщине.

И вот он просунул плечо в углубление между колоннами, словно желая проложить им себе дорогу.

В тот же миг все люди, стоявшие под портиком, обернулись и взглянули на Врата Праведности, ибо под его сводом раздался страшный грохот, старые колонны загудели и раздвинулись в разные стороны и образовали такой большой промежуток, что гибкое тело мальчика легко проскользнуло между ними.

Всех охватило величайшее изумление и смтение. В первую минуту никто не знал, что делать. Люди стояли и в оцепенении смотрели на мальчика, совершившего такое великое чудо. Первым опомнился старейший из судей. Он приказал схватить богатого купца и привести его на суд. Судья постановил, чтобы все имущество богача было отдано бедной вдове за ложную клятву в Божием храме.

Покончив с этим, судья спросил, где же мальчик, прошедший через Врата Праведности, но, когда его стали искать, было уже поздно. В тот самый миг, когда колонны снова сдвинулись, он точно очнулся ото сна и сразу вспомнил о родителях. «Надо скорее возвращаться, – подумал он, – родители, наверное, уже ждут меня».

Он и не знал, что целый час просидел у Врат Праведности. Ему казалось, что он пробыл здесь лишь несколько минут, и поэтому решил еще взглянуть на Райский Мост, прежде чем поспешить домой.

Торопливо проскользнул он через толпу народа и дошел до Райского Моста, находившегося в совершенно другой части громадного храма.

Когда он увидел острый стальной клинок, висящий над расщелиной, и вспомнил, что тот, кому удалось бы перейти по этому мосту, попадет в рай, он снова подумал, что ничего более удивительного ему еще не приходилось видеть. И он сел на краю ущелья, чтобы получше рассмотреть Райский Мост.

Мальчик сидел и думал, какое бы это было блаженство – попасть в рай и как бы он сам хотел попасть туда по этому мосту. Но он хорошо понимал, что нечего было даже пытаться это сделать.

Так он и просидел целых два часа, не замечая, как летит время.

А неподалеку, возле глубокой расщелины, был воздвигнут высокий жертвенник. Вокруг него ходили священнослужители в белых облачениях, поддерживая огонь на алтаре и принимая жертвенные дары. На дворе было много желающих принести свои дары Богу и еще больше священнослужителей.

Был здесь и старый, бедный старик с ягненком, совсем крошечным и тощим. На боку у ягненка алела большая рана от укуса собаки.

Старик подошел к священнослужителям и стал просить у них разрешения принести в жертву ягненка, но они ответили ему отказом, посчитав, что не могут предложить Господу такой ничтожный дар. Старик, заклиная их Божьим милосердием, просил принять ягненка, так как сын его лежит при смерти, а у него нет ничего другого, что он мог бы принести в жертву Богу ради спасения сына.

– Вы должны мне позволить принести эту жертву, – говорил он, – иначе молитва моя не дойдет до Господа, и сын мой умрет.

– Поверь, мне очень жаль тебя, – отвечал священник, – но закон воспрещает приносить в жертву раненых животных. Исполнить твою просьбу так же невозможно, как перейти через Райский Мост.

Мальчик слышал этот разговор и подумал: «Какая жалость, что никто не может перейти через мост. Быть может, сын этого бедного человека остался бы жив, если бы ягненок был принесен в жертву».

Старик в глубоком горе направился к выходу, но мальчик встал, подошел к дрожащему мосту и ступил на него ногой.

Не для того захотел он перейти через мост, чтобы обрести райское блаженство. Все мысли его были о бедном человеке, которому он хотел помочь.

Но он отдернул ногу, подумав: «Это невозможно. Клинок слишком старый и ржавый, он не выдержит меня».

Но мысли его снова перенеслись к бедняку, сын которого лежал при смерти, и снова он ступил ногой на лезвие меча.

Мальчик вдруг заметил, что клинок перестал дрожать и, казалось, сделался под его ногой шире и надежнее.

А когда мальчик сделал еще один шаг, то почувствовал, как окружающий его воздух поддерживает его и не дает ему упасть. Он нес мальчика, как если бы тот был птицей и имел крылья.

Когда мальчик ступил на мост, его тонкое лезвие исторгло трепетный и сладостный звук. Услышав его, один из стоявших во дворе обернулся. Он громко вскрикнул, и тогда обернулись все другие и увидели отрока, идущего по стальному клинку.

Великое смятение и изумление охватило всех присутствующих. Первыми опомнились священники. Они тотчас же послали за бедным человеком и, когда тот вернулся, сказали ему:

– Бог совершил чудо, чтобы показать нам, что ему угодно принять твой дар. Давай сюда твоего ягненка, мы принесем его в жертву!

После этого все стали искать мальчика, перешедшего через расщелину, но не могли нигде его найти. Потому что мальчик, как только прошел по мосту, тут же вспомнил об отъезде и подумал: «Мне надо спешить обратно, чтобы родителям не пришлось меня ждать. Я только побегу еще раз взглянуть на Голос Властителя Мира».

И он легко проскользнул в толпе народа и поспешил в сумрачную галерею, где стояла прислоненная к стене медная труба.

Когда он увидел ее и подумал, что тот, кто сумеет извлечь из нее звук, соберет под своей властью все народы земли, он забыл обо всем, опустился на каменный пол возле трубы и стал на нее смотреть.

Он думал о том, каким величием и могуществом обладал бы тот, кто подчинил бы себе всех людей на земле, и все существо его было охвачено одним желанием – затрубить в чудесную трубу. Но он был убежден, что это невозможно, и поэтому не смел и пытаться.

Так просидел он несколько часов, не замечая, как летит время.

В этой прохладной галерее сидел святой старец, окруженный учениками. И вот он обратился к одному из юношей, сидевших у его ног, и уличил его во лжи. Он узнал, что этот юноша – чужеземец, а не израильтянин. И святой старец спросил юношу, зачем он под чужим именем проник в число его учеников.

Тогда юноша чужеземец встал и ответил, что он прошел пустыни и переплыл безбрежные моря, чтобы услышать истинную мудрость – учение о едином Боге.

– Моя душа жаждала познать истину, – сказал он святому. – Но я знал, что ты не захочешь учить меня, если я открою тебе, что я не израильтянин. Чтобы утолить свою жажду, я солгал тебе. И я прошу тебя, позволь мне остаться.

Но учитель поднялся с места и воздел руки к небу:

– Ты не можешь остаться у меня, как не сможет никто протрубить в эту трубу, которую мы называем Голосом Властителя Мира. Ты не смел даже приблизиться к храму, потому что ты язычник. Уходи отсюда, иначе другие мои ученики бросятся на тебя и растерзают, так как твое присутствие оскверняет храм.

Но юноша не двинулся с места и сказал:

– Я не пойду туда, где душа моя не найдет себе пищи. Лучше я умру у твоих ног.

Едва произнес он эти слова, как ученики святого вскочили, чтобы прогнать его прочь. И когда он стал защищаться, они повалили его наземь и хотели убить.

Мальчик сидел совсем близко, так что слышал и видел все. Он подумал: «Как жестоки эти люди! Если бы я только мог затрубить в эту чудесную трубу и спасти юношу!»

Он встал и дотронулся до трубы. Не потому хотел он в эту минуту поднять ее к своим губам, чтобы стать великим властелином. Он лишь надеялся помочь человеку, жизни которого угрожала опасность.

И своими тонкими, слабыми руками он обхватил медную трубу, пытаясь ее приподнять.

И вдруг он почувствовал, что громадная труба сама собою поднимается к его губам. И как только ондохнул в нее, мощный звук вырвался из нее и прогремел по всему обширному пространству храма.

Тогда все оглянулись и увидели, что это маленький мальчик держит в руках огромную трубу и извлекает из нее звуки, от которых дрожат своды и колонны.

И тотчас же опустили руки у всех тех, кто хотел побить юношу чужеземца, а святой учитель сказал ему:

– Пойди сядь здесь, у моих ног, где ты сидел и раньше! Бог совершил чудо, чтобы показать мне, что Ему угодно, чтобы ты познал Его учение.

* * *

К вечеру того же дня родители мальчика возвращались в Иерусалим. Испуганные и встревоженные, они кричали каждому встречному:

– Мы потеряли нашего сына. Мы думали, что он ушел с нашими родственниками или соседями, но никто из них не видел его. Может, кто-нибудь из вас встречал по дороге заблудившегося мальчика?

Те, что шли из Иерусалима, отвечали им:

– Вашего сына мы не видели. Но в храме мы видели мальчика дивной красоты. Он похож на ангела Божия и прошел сквозь Врата Праведности.

Они готовы были подробно рассказать о необыкновенном мальчике, но у родителей не было времени их слушать.

Пройдя еще немного, они встретили других прохожих и у них тоже спросили о своем сыне.

Но все люди, шедшие из Иерусалима, говорили только о необыкновенном мальчике, словно сошедшем с небес, который перешел через Райский Мост.

Всем хотелось поделиться этой чудесной новостью, но мужчине с женщиной некогда было их слушать: они торопились в город.

Они обошли улицу за улицей в поисках своего сына. Наконец они подошли к храму.

Когда они проходили мимо храма, женщина сказала мужу:

– Раз уж мы здесь, зайдем и посмотрим, что это за мальчик, о котором все говорят.

Они вошли и спросили, где им увидеть чудесного мальчика.

– Ступайте туда, где сидят святые наставники со своими учениками! Там и мальчик.

Старцы усадили его возле себя, они расспрашивают его, и он задает им вопросы, и все они дивятся ему. И весь народ стоит во дворе храма, чтобы хоть одним глазом взглянуть на того, кто поднес к своим устам Голос Властителя Мира.

Мужчина и женщина пробрались сквозь толпу и увидели, что мальчик, сидевший среди мудрых старцев, был их сын.

Как только женщина узнала в нем свое дитя, она горько заплакала.

Мальчик, сидевший среди мудрых мужей, услышал плач и узнал голос своей матери. Он встал и пошел к ней. Отец и мать обняли своего сына и вместе с ним удалились из храма.

Но мать все продолжала плакать, и сын спросил ее:

– О чем ты плачешь? Ведь я пошел к тебе, как только услышал твой голос.

– Как же мне не плакать? – отвечала мать. – Я думала, что потеряла тебя.

Они вышли из города. Уже наступила ночь, а мать все не могла удержать слез.

– О чем ты теперь плачешь? – спросил мальчик. – Я ведь не знал, что день уже прошел. Я думал, что еще утро. А как только я услышал твой голос, я пришел к тебе.

– Как же мне не плакать? – возразила мать. – Я искала тебя весь день. Я думала, что навсегда потеряла тебя.

Они шли всю ночь.

Когда стало рассветать, мальчик, увидев лицо матери в слезах, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.